

Секция IV ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

IV.1. ТЮРКСКИЙ МИР

Руководитель Губогло М.Н.

*Алиева В.Р., Назаров Р.Р.
Юнусова Д.М.
Ташкент*

*Банкова И.Д.
Комрат*

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЕ

Ферганская долина представляет собой специфический регион Центральной Азии, отличающийся следующими особенностями: пересечением границ трех государств: Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана; высокой плотностью и чересполосностью населения; наличием анклавов; полиэтничностью населения: три титульных этноса (узбеки, таджики, кыргызы) и представители других народов.

Этнические взаимодействия в Ферганской долине исторически складывались по нескольким векторам: взаимодействия коренных этносов (узбеков, таджиков, киргизов) между собой; взаимодействия между коренными этносами, с одной стороны, и ранними (евреи, арабы, цыгане, уйгуры, дунгане) и более поздними (татары, армяне, русские, крымские татары, турки, корейцы) – с другой; взаимодействия между различными этническими группами переселенцев; взаимодействия между субэтносами внутри самих этносов: оседлыми и полукочевыми узбеками, равнинными и горными таджиками, кочевыми и полуседлыми киргизами и т.д.

Конфликтных ситуаций на межэтнической почве в регионе не было, за исключением сложного исторического периода перед распадом СССР, который был ознаменован Ферганским (1989) и Ошским (1990) конфликтами. По некоторым сведениям, данные конфликты были инспирированы внешними силами. Традиционные межэтнические взаимодействия в долине носят достаточно толерантный характер. Распространены билингвизм и полилингвизм. Наиболее распространенные виды билингвизма: узбекско-таджикский, узбекско-кыргызский, национально-русский; наиболее распространенные виды полилингвизма: узбекско-таджикско-кыргызский, узбекско-таджикско-русский, узбекско-кыргызско-русский.

На основе локальных особенностей сложился особый региональный тип «ферганской культуры», проявляющийся в особенностях пищи, одежды, жилища, говоров, обычаев, обрядов, традиций, ритуалов.

ДВУЯЗЫЧИЕ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ОБЛИКЕ ГАГАУЗОВ

Молдова является одним из уникальных регионов по многообразию представленных в ней этносов, культур, языков. Ее многонациональность, являясь важным источником развития и взаимного духовного обогащения народов, в то же время предполагает свободное развитие и равноправное использование всеми гражданами родных языков, а также овладение молдавским как государственным языком и русским в качестве языка межнационального общения.

В условиях полилингвизма гагаузам, с одной стороны, необходимо развивать литературную форму языка своей национальности. Только широкое его использование в сфере духовной культуры может реально противостоять опасности растворения культуры гагаузского народа в «массовой» культуре и отчуждению от родного языка. С другой стороны, в Молдове функционируют высокоразвитые литературные языки (русский, молдавский, украинский, болгарский и др.) с богатыми и давними письменными традициями, имеющие более широкие возможности применения в культуре и общественной жизни. В силу исторически сложившихся обстоятельств гагаузский язык имеет значительно меньше возможностей функционирования. Однако благотворное влияние высокоразвитых языков и культур на развитие гагаузского языка очевидно: наблюдается положительная тенденция в формировании функций гагаузского языка в сфере духовной культуры (художественная литература, образование, театр, СМИ и др.).

В многоязычном пространстве Молдовы актуализируется проблема би- и полилингвизма в этнокультурном облике гагаузов, и только поликультурное образование открывает гагаузам перспективу. В таком языковом контексте Гагаузия всю систему образования должна ориентировать на разнообразие сосуществующих в этом обществе культур. Самым разумным является не просто терпимость к рядом сосуществующим культурам, а «взаимное приятие культур, активное желание не только понять и принять чужую культуру, но и охотно поделиться своей собственной».

Биттирова Т.Ш.
Нальчик

Главчева А.Г.
Комрат

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
ДУХОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ У ТЮРКОВ СЕВЕРНОГО
КАВКАЗА

*Исследование проведено в рамках Программы
фундаментальных исследований Президиума РАН
«Этнокультурное взаимодействие в Евразии»*

Одним из важных аспектов культурного взаимодействия этносов региона является религиозная культура, путь которой наиболее точно прослеживается в становлении и трансформации поэтических жанров. Данный архетип сыграл важнейшую роль в эволюции художественного сознания народов Северного Кавказа, оказав неоспоримое влияние на становление светской литературы. Ретроспективный взгляд на влияние арабской культуры и литературы на этом небольшом этнокультурном пространстве позволяет утверждать, что оно ослабляется с Востока на Запад, это подтверждается уровнем сохранения фольклорных, этических, эстетических доминант домусульманского периода.

Духовная (мусульманская) литература у тюрков Северного Кавказа зародилась и развивалась, начиная с X в. В течение десяти веков эта литература вытеснила героический эпос тюрков, ориентированный на тенгрианские представления, за исключением нартского эпоса карачаево-балкарцев (у кумыков и ногайцев сохранились его отдельные фрагменты и мотивы). Данное обстоятельство объясняется более поздним принятием ислама карачаево-балкарцами. Некоторые жанры фольклора, соотносимого с тенгрианским периодом, сохранились благодаря переходу в детский фольклор, где теряется первоначальный сакральный смысл.

В духовной культуре каждого тюркского народа Северного Кавказа имеются свои особенности. Общим является соответствие каждой религии своей письменности – тенгрианство и руника, христианство и греческое письмо, ислам и аджам.

Последние века сблизили жанровые формы духовной поэзии, состав которой определился к XIX в.: моулют, зикир, мунажат, ийман-ислам. Наиболее развитой к этому периоду стала агиографическая проза, наряду с малыми жанрами (ууа, фатыуа, дууа(тилек).

АНТРОПОЛОГИЯ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ. ЭЛЕМЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОСТСОВЕТСКОЙ
ГАГАУЗИИ

Гражданское общество в Гагаузии, как и в России, находится на этапе зарождения и становления. Неправительственные организации, созданные инициативными людьми в соответствии с Законом об общественных объединениях, представляют новую форму диалога граждан и власти на основе совпадающих интересов для реализации сбалансированных целей. Они действуют на добровольной основе для решения проблем, не охваченных другими структурами общества. Граждане обретают шанс путем саморегулирования приобщаться к решению реальных задач их жизнедеятельности.

Позитивная динамика элементов гражданской активности выражается в том, что в 1996–1998 гг. в Гагаузии было зарегистрировано 29 НПО, в 2005 г. их число достигло 166 (по Республике Молдова – около 2500). Однако количественный рост не всегда соотносим с качественным. Лишь для 25% характерна продуктивная инновационная и инвестиционная деятельность, тогда как активность остальных не имеет сколько-нибудь ощутимых результатов в деле преобразований.

На первом этапе, в начале 1990-х гг., большинство общественных организаций занималось этнополитическими проблемами прав человека и национальных меньшинств, что вытекало из задач самоопределения гагаузов и населения юга Молдовы. На втором этапе, в середине 90-х гг., появились организации, ориентированные на бизнес и экономику, на третьем этапе, в начале второго постсоветского десятилетия, НПО предоставляли широкий спектр социальных услуг в различных сферах социальной политики: в экологии, по проблемам молодежи, детей, малоимущих слоев населения, гендерных и проблем самоуправления, в сферах культуры, образования, здравоохранения.

Деятельность НПО, структурированных в сеть гражданских институтов по происхождению, социально-этническому составу, регионам и сферам деятельности, функциям и гражданской активности, свидетельствует о позитивных ростках гражданского общества, самоорганизации активной части населения, являющейся стимулятором нового демократического мировоззрения и поведения в Гагаузии.

Губогло М.Н.
Москва

КУЛЬТ ВОЛКА В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ.
ЭКСКЛЮЗИВЫ И УНИВЕРСАЛИИ В ЭТНОГЕНЕЗЕ
ГАГАУЗОВ

На протяжении всего XX в. в трудах отечественных и зарубежных тюркологов (А.Манова, В.А.Мошкова, В.А.Гордлевского, В.Н.Басилова и др.) и особенно в современном гагаузоведении (М.Н.Губогло, М.П.Губоглу, Е.Н.Квилинкова, Е.А.Покровская, В.Сырф, Д.Н.Танасоглу) изыскания и дискурсы культа волка у гагаузов были нацелены преимущественно на выявление и историческое описание уникальности этого феномена, несущего в себе явные следы отдаленного тотемизма. Интерпретация культа волка как едва ли не исключительного достояния воззрений гагаузов еще со времен В.А.Мошкова позволяла без особых усилий подкреплять вывод о кочевом прошлом, а следовательно, и изначально тюркском происхождении предков гагаузов. Так, например, прототип волка-оборотня, известного по гагаузским сказкам, прочитывался согласно «Слову о полку Игореве» в контексте взаимоотношений половцев с Киевской Русью: «А Игорь князь <...> ввръжесе на бръзь комонь и скочи с него босым волком <...>. Коли Игорь соколом полете, тогда Влурь вльком потече».

Сегодня односторонность и прямолинейность этого подхода нуждаются в корректировке, так как накопленный материал (И.Каратанов, Н.Попов, Г.Потанин) свидетельствует скорее об универсальности этого культа в евразийском пространстве (Д.К.Зеленин, В.Н.Басилов), чем о его исключительности у гагаузов.

Занимая видное место в гагаузской ментальности и этнокультурной истории, этот культ не только инкорпорирует («прописывает») гагаузов в степную культуру Евразии, но и указывает на траектории культурных взаимодействий. По мере того как кочевые тюрки, двигаясь на запад, соприкасались с византийской культурой в Малой Азии, «тюркский тотем подбирался к христианскому обиходу» (В.А.Гордлевский), хотя и полностью не заменил его: «встретить волка – это хорошо, а если зайца, кошку или попу, то это плохо» (А.Манов); с российской – в степях от Волги до Дуная, со славянской и романской – на Балканах и в прилегающих регионах Юго-Восточной Европы.

В культе волка («символ воинственности») и в ассоциированных с ним культах петуха («символ независимости») и лошади («символ верности») гнездится диалектическое цивилизационное единство тюркизма, византизма и славянства, подобно тому, как в обычаях турок-сельджуков (кочевников) и византийцев (греков-горожан) прочно сошлось разделение народного календаря на два этапа: *летний* – от Хедерлеза (св.Георгия, 23

апреля по старому стилю) и *зимний* – от Касыма (св.Дмитрий, 26 октября по старому стилю).

Култ волка как синтезированный продукт оседло-кочевого образа жизни неизбежно породился тем, что евразийский материк служил исконной средой хозяйственной деятельности предков гагаузов, в том числе в ходе бесконечных выяснений его непростых отношений со свирепым, но почитаемым, мстительным и соперничающим, угрожающим и спасающим («пастырь в пустыне») степным хищником.

Даутова С.С.
Алматы

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ
ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В ОБРЯДАХ
ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА КАЗАХОВ И УЙГУРОВ

Длительное совместное проживание казахов и уйгуров на территории Семиречья, единый хозяйственно-культурный тип, общность религии и родство языков обусловили устойчивое взаимодействие и взаимопроникновение этнокультурных элементов в материальной и духовной культуре. Наиболее ярко они отражаются в обрядах жизненного цикла.

Традиционный для казахов обряд «шилдехана», когда подруги и родственницы роженицы первые 3 дня и 3 ночи празднуют рождение ребенка, весельем и пением отгоняя злых духов. У уйгуров же доступ к родившей запрещен в течение 12 дней, так как считается, что в это время особо активно действуют злые духи. Затем в течение 40 дней разрешается доступ только близких родственников. В настоящее время казахи Семиречья охотнее придерживаются 12-ти и даже 40-дневного запрета, отказываясь от «шилдехана» или перенося его на более поздний срок, тем самым обряд теряет свой первоначальный смысл. В свою очередь уйгуры переняли у казахов обычай «шашу» (обсыпание молодых сладостями и монетами, символизирующее благословение на благополучную жизнь) в отправлении свадебной обрядности, что совершенно не характерно для уйгуров других регионов. Переняли уйгуры у казахов также и обряд разрезания пут «тусау кесу», который является элементом скотоводческой культуры, где ребенок, которому перевязывали ноги «путами» уподоблялся жеребенку. Этот обряд имеет локальное распространение только у уйгуров данного региона. Общими стали для обоих этносов обряды укладывания ребенка в колыбель «бесик той», сороковины «кыркынан шыгару», обрезание «суннет той».

Таким образом, культурное взаимовлияние уйгуров и казахов Семиречья привело к возникновению единого комплекса семейных обрядов, что можно считать одним из условий формирования толерантных отношений между представителями двух этносов.

Екеева Н.М.
Екеев Н.В.
Горно-Алтайск

Захарченко Г.Н.
Одесса

КОРЕННЫЕ ЭТНОСЫ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ: ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В 2004 г. при финансовой поддержке РГНФ группой этнографов Института алтаистики им. С.С.Суразакова начато исследование коренных этносов Республики Алтай с акцентом на малочисленные этносы, выделившиеся из состава алтайцев. Пилотажным социологическим опросом охвачено 25 сел в четырех районах их компактного проживания (Турочакском, Улаганском, Майминском, Усть-Канском). Наблюдения и опрос выявили интересные данные о современных этнических (этнокультурных) процессах среди коренных этносов республики. Выяснилось, что процесс самоопределения коренных малочисленных этносов (КМН) республики, несмотря на его политическое решение на местном и федеральном уровнях, имеет сложный и противоречивый характер. В 1–2 случаях из 10 респонденты демонстрировали свое «двухступенчатое» этническое самосознание, например, чалканцы, тубалары и теленгиты одновременно считают себя алтайцами. Это прослеживается и в ответах на вопрос: «Теленгиты, тубалары и чалканцы – это отдельные народы или самобытные этнические группы (субэтносы) алтайского народа?». В Турочакском и Улаганском районах в пользу первого варианта («отдельные народы») высказались соответственно 20% и 22% респондентов, в пользу второго варианта – 71% и 65%, а остальные затруднились в выборе ответа. Однако политическое решение о признании их коренными малочисленными народами России положительно оценили 83% и 74% респондентов этих районов, а отнеслись нейтрально и затруднились ответить 16% и 20%. Основной мотив – надежда на помощь со стороны центральных (федеральных) органов власти. Получены также сведения по целому ряду других вопросов (проблем): общие и особенные черты культуры коренных этносов; критерии определения национальности человека; обеспечение развития языков КМН; риск утраты детьми этнической самобытности; отношение к истории, культуре (в том числе традиционным религиям), перспективам развития КМН; острые социальные проблемы, волнующие людей в настоящее время. Среди них особую озабоченность людей вызывали массовое пьянство, ухудшение здоровья, снижение рождаемости, утрата национальных традиций, обычаев и языка, разрушение природной среды обитания. Анализ и обобщение собранного материала позволил уточнить рабочие гипотезы, внести дополнения и изменения в предстоящее масштабное этносоциологическое исследование.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОХОРОННОГО ОБРЯДОВОГО КОМПЛЕКСА БОЛГАР ЮЖНОЙ БЕССАРАБИИ

Предметом исследования является механизм функционирования традиции в полиэтнической среде, степень ее консервации в различных исторических условиях и в контексте трансформационных влияний. Объектом исследования выбран похоронный комплекс обрядов и обычаев болгар Южной Бессарабии. Источниками послужили полевые этнографические материалы, собранные в 1990–2000-е гг. в болгарских селах региона.

Похоронная обрядовая практика болгар, русских и украинцев региона имеет общий типологически-структурный состав, отличия проявляются в деталях ритуально-функциональной структуры. Среди выразительных черт локального характера выделяется обычай болгар после необходимых приготовлений, в отличие от русских и украинцев, класть покойника не на лавку, а на стол.

У болгар сохраняется традиция, принесенная из Балкан, на месте захоронения мужчины устанавливать *крест*, а на месте захоронения женщины – *куклу* (крест в форме схематического женского силуэта). Система поминальных трапез у болгар, в сравнении с поминальными трапезами украинцев и русских региона, является более разветвленной и устойчивой. Обязательные поминальные блюда: *колево* (блюдо из вареной пшеницы), *курбан* (обрядовое блюдо из баранины), *копалнички* (калачи для обмывавших покойника), калачи, форма которых зависела от пола умершего.

Значительная часть обрядовых действий похоронно-поминального комплекса была принесена болгарскими с бывших мест их проживания. Однако под влиянием совместного проживания с представителями разных этносов, городской традиции, которая быстро распространялась благодаря высоким темпам урбанизации в регионе, произошла трансформация отдельных обрядовых элементов. Наиболее устойчивым оказался поминальный цикл.

Полиэтничность региона не выступает главным трансформационным фактором, а наоборот, способствует сохранению этнических черт духовной культуры в целом и похоронного обрядового комплекса в частности.

Идрисов Э.Ш.
Астрахань

К ЭТНОКУЛЬТУРНОМУ РАЗВИТИЮ НОГАЙЦЕВ- КАРАГАШЕЙ (ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ)

Ногайцы-карагаши – обособленная группа населения Астраханского края, субэтнос ногайского народа. Истоки ее формирования начинают-

ся в Малой Ногайской орде (род найман и др.). Пребывание на Северном Кавказе с конца XVI до начала XVIII вв. отразилось в их культуре и традициях (П.С.Палас, Я.Ю.Потоцкий, П.Небольсин). Следующий важный этап – «калмыцкий», когда карагаши подчинялись Калмыцкому ханству (В.И.Трофимов, Т.А.Трофимова).

Окончательное поселение в конце XVIII в. в Астраханском крае – решающий этап формирования, преобразования ногайцев-карагашей в этническую целостность. С этого времени отмечаются этнокультурные контакты с туркменами, казахами и средневожскими татарами. Особенно показательны иноэтнические родовые группы («ру») среди карагашей – «туркпен» и «кара-калпак» (В.М.Викторин) (от туркмен и казанских татар), а также взаимоотношения с другими группами ногайского происхождения вблизи Астрахани – с юртовцами и кундровцами (В.Д.Пятницкий).

В начале XX в., во время коллективизации, карагаши окончательно осели на землю (1929 г.), подпав синхронно под политику унификации малых народов (были записаны «татарами»). С конца 30-х до начала 60-х гг. в школах преподается татарский язык, а татарская культура превратилась в важную «ассоциирующую». Однако с конца 70-х гг. отмечается возрождение ногайского самосознания карагашей, совпавшее с сильным экологическим движением (район Газакомплекса). Потребовалось переселение части жителей из санитарно-защитной зоны. Подспорьем в постановке этнокультурной работы послужили исследования ученых (Л.Ш.Арсланов, Р.Х.Керейтов, В.М.Викторин).

Начиная с 90-х гг. ногайцы-карагаши находятся в рамках общего этнокультурного движения ногайцев России, в их селах преподается ногайский литературный язык. История карагашей – яркий пример взаимодействия ногайских субэтносов и их соседей, проявления уникальных локально-этнических особенностей, а также нивелирующих факторов современности.

*Исхаков М.М.
Узбекистан*

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
СОГДИЙЦЕВ И ДРЕВНИХ ТЮРКОВ ПО ДАННЫМ
СОГДИЙСКОЙ НАДПИСИ 583–589 ГГ. ИЗ
МОНГОЛИИ**

В Бугутской надписи, в которой содержание текста целиком относится к истории первых десятилетий I Тюркского каганата, основанного Бумын каганом, отражена реальная история первого 30-летия политической жизни I Каганата. Важность памятника определяется и тем, что он является единственным письменным свидетельством периода I Тюркского каганата.

В Бугутской надписи имеется конкретное ука-

зание на распространение буддизма среди тюрков. При этом особо подчеркивается роль Таспар кагана, установившего буддийскую сангху, т.е. основавшего буддийскую общину тюрков. Однако согдиец-писец, скорее всего, был зороастрийцем. При упоминании важной роли кагана и его брата Махан Текина в укреплении буддизма у тюрков он использовал зороастрийское слово *осушийант* (спаситель).

Структура, назидательный стиль и содержание Бугутской надписи являются продолжением более древнего жанра, генетически связанного с плачем по умершим. Однако этот жанр, будучи универсальным, отражал потребности литературного творческого процесса. В данном случае текст Бугутской надписи соотносится с одним из важных этапов развития устной традиции: возможно, впервые произошла фиксация на письме при помощи согдийского письма и языка. Исходя из этого можно полагать, что время создания собственно древнетюркской письменности относится к более позднему времени, чем конец IV в. н.э.

*Квилинкова Е.Н.
Кишинев*

**КАЛЕНДАРНАЯ ОБРЯДНОСТЬ В СИСТЕМЕ
ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ФОЛЬКЛОРЕ ГАГАУЗОВ**

Главная функция народного календаря заключалась в регламентации хозяйственно-производственных процессов. Наряду с этим народный календарь включает в себя элементы соционормативной культуры, а также является источником информации о национальных формах проведения досуга. С глубокой древности праздники и обряды выполняли важную социальную функцию – являлись средством сплочения всех членов общины в один социальный организм.

В XIX – первой половине XX вв. основу гагаузского народного календаря представляла земледельческая обрядность. В хозяйственной деятельности широко использовалось четырехциклическое деление года (зима, весна, лето, осень). В то же время в мировоззрении гагаузов хорошо сохранилось и двухциклическое деление года на лето и зиму – от праздника *Хедерлез* (день Св.Георгия) до праздника *Касым* (день Св.Димитрия), что свидетельствует о важности скотоводческой деятельности в жизни предков гагаузов. Во многих обычаях и обрядах проявляется контаминация земледельческой и скотоводческой обрядности, а также языческо-христианский синкретизм.

В конце XIX – начале XX вв. происходил процесс разрушения народных обрядов, который был обусловлен социально-экономическими изменениями. Наиболее устойчивыми оказались обычаи и обряды, связанные с почитанием умерших, прикрепленные к определенным датам церковного календаря. Претерпев определенную эволюцию, многие обычаи и обряды

исполняются и в настоящее время.

Характерной чертой гагаузского календарного обрядового фольклора является соседство трех различных языков (гагаузского, болгарского и молдавского), что проявляется в наиболее значимых календарных праздниках и обрядах. Особый интерес представляют народные песни на библейские сюжеты (более 70), собранные автором, которые исполнялись во время важных календарных и семейных праздников, а также на посиделках. Возникновение этих песен в определенной степени объясняется использованием гагаузами на Балканах и после их переселения в Бессарабию караманлийской религиозной литературы. Однако появление значительного числа религиозных песен связано, вероятно, с бессарабским периодом и относится к началу XX в.

Сравнение гагаузской календарной обрядности с аналогичной обрядностью народов Балкано-Дунайского региона показывает значительное сходство многих обычаев и обрядов (в большей степени с болгарскими), что объясняется их длительным совместным проживанием, общностью исторической судьбы, вхождением части болгарского элемента в гагаузский этнос, единым хозяйственно-культурным типом, природно-климатическими условиями и единой религией (православием). В результате культурного взаимодействия гагаузов с соседними народами (румынами, молдаванами, восточными славянами) гагаузская календарная обрядность обогатилась значительным числом обычаев, обрядов и терминов (бессарабский пласт).

*Кубадиева Н.А.
Нальчик*

РАЗВИТИЕ ЖАНРОВЫХ ФОРМ ЛИТЕРАТУРЫ В ИНОЭТНИЧНОЙ СРЕДЕ (ТЮРКИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В УСЛОВИЯХ ТУРЕЦКОЙ ДИАСПОРЫ)

Исследование проведено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии»

Представляет большой научный интерес изучение литературы карачаево-балкарцев, кумыков и ногайцев в условиях иноэтнической среды, тем более что эта среда (турецкая) является генетически близкой. Данное обстоятельство изначально предполагает схожие процессы трансформации эстетических систем.

Литература карачаево-балкарцев, кумыков и ногайцев в условиях диаспоры развивалась в устной, рукописной и письменной формах. Жанровые и видовые формы литературы диаспоры существенно отличаются от тех же форм, создаваемых на исторической родине.

На сохранение и развитие устной поэзии оказывают влияние два фактора: турецкая художе-

ственная культура и литература российских соотечественников, которая в последние десятилетия стала более доступной. Данные факторы не равноценны по степени влияния. Наиболее сильное влияние турецкий фольклор и письменная литература оказали на состояние ногайской литературы и фольклора, что объясняется ранним исходом народа в Турцию.

Современная карачаево-балкарская поэзия диаспоры находится на том же уровне развития, на котором находилась карачаево-балкарская литература предписьменного периода: устные формы преобладают над письменными, при этом четко прослеживается стремление к авторской индивидуализации. В отличие от карачаево-балкарской литературы, ногайская и кумыкская активно развивали и прозаические жанры: рассказы, эссе, небольшие повести.

В последние десятилетия появилась возможность для жанрового обогащения – в России стали печататься стихи, рассказы, повести тех, кто находится вдали от родины предков. Одновременно в «кавказских» изданиях Турции начали появляться произведения классиков и современников ногайской, кумыкской, карачаево-балкарской литературы, что, несомненно, скажется на развитии художественных форм литературы диаспоры.

*Николо Д.Е.
Кишинев*

ПИЩА В КОНТЕКСТЕ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ИДЕНТИЧНОСТИ ГАГАУЗОВ

Система питания гагаузов впитала архаичные элементы *добалканских* кочевых скотоводческих традиций, с которыми гармонично соединились *балканские*, а впоследствии и *бессарабские* черты, подкрепленные общим для ареала Юго-Восточной Европы ХКТ и единым конфессиональным фоном – православием.

Традиции питания народа сохранили ряд элементов (способы обработки и хранения мясных и молочных продуктов), указывающие на связь с культурой кочевых тюркских племен. Наиболее рельефно это прослеживается в обрядовой пище. Символика отдельных видов пищи свидетельствует о наличии в культуре гагаузов элементов общетюркского мировоззрения (обряд «Курбан», ритуальное вкушение печени). Наибольшей информативностью по этнической специфике обладает терминология, сохранившая тюркское происхождение и являющаяся для других этносов на территории Молдовы заимствованной.

Данные элементы в реликтовой или видоизмененной форме сохраняются и в настоящее время. Весьма устойчивыми оказались *балканские* традиции, которые являлись базовыми в формировании современного облика системы питания гагаузов и не претерпели существенных измене-

ний после переселения основной части этноса на территорию Бессарабии.

В настоящее время сохраняются не только рецепты блюд, но и поведенческие аспекты питания, состав блюд, маркирующих обрядовые трапезы в циклах календарной и семейной обрядности. Все это свидетельствует о том, что традиции питания как наиболее консервативный элемент культуры способствуют сохранению этнической идентичности народа.

*Остапенко Л.В.
Москва*

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ
ГАГАУЗОВ НАКАНУНЕ РЕФОРМ И ПРОБЛЕМЫ
АДАПТАЦИИ К УСЛОВИЯМ РЫНОЧНОЙ
ЭКОНОМИКИ (КОНЕЦ XX в.)**

Переход России и стран СНГ к рыночной экономике породил немало новых проблем. Особое место среди них занимают вопросы равенства или неравенства условий и возможностей представителей разных этнических групп адаптироваться к рынку.

Прежде всего, это касается малочисленных народов, живущих в окружении иноэтнического большинства, в том числе гагаузов Молдовы, интересы которых после суверенизации республики и получения титульным этносом приоритетных прав оказались ущемленными.

В течение многих десятилетий гагаузы, занятые преимущественно сельскохозяйственным трудом, в той или иной мере отставали от молдаван, украинцев, русских и болгар по уровню подготовки не только индустриальных кадров и работников умственного труда в целом, но и тех категорий работников, которые в начале реформирования оказались ближе к процессу приватизации и положили начало формированию нового слоя собственников и предпринимателей – управленцев, научно-технической интеллигенции, высококвалифицированных рабочих. Включению в рыночную экономику многим мешала и слабая материальная обеспеченность, отсутствие стартового капитала.

Итоги исследования, проведенного в 1998 г. в Кишиневе, также показали, что гагаузы, как и представители других этнических меньшинств Молдовы, более отрицательно, чем молдаване, относились к рыночным реформам. По сравнению с молдаванами они имели менее высокие социальные запросы, реже собирались приобрести какую-либо собственность в Кишиневе и в значительной массе считали свои шансы заняться бизнесом менее высокими.

В то же время среди гагаузов была выявлена достаточно массовая ориентация (выше, чем у других национальностей) на занятие малым предпринимательством, руководство небольшими кол-

лективами людей, на переквалификацию, смену работы и профессии, повышение профессиональной подготовки, что увеличивало их шансы адаптироваться к рыночной экономике. О достаточно успешной, хотя и не беспроблемной практике выживания в условиях рынка свидетельствует и высокий уровень трудовой миграции гагаузов, их социальной мобильности.

*Пашалы П.М.
Чадыр-Лунга*

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И
ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГАГАУЗОВ
В ПОСТСОВЕТСКОМ ПЕРИОДЕ**

23 декабря 2004 г. Гагаузия как автономно-территориальное образование (АТО) на юге Республики Молдова отметила свое десятилетие.

В торжествах по приглашению руководства Гагаузии приняли участие дипломаты и ученые из России, Азербайджана, Беларуси, США, Болгарии и Турции.

Гагаузы как народ в пределах Молдовы на своей земле реализовали свое право на самоопределение. АТО создавалось для того, чтобы гагаузы не потеряли себя как народ, возродились, сохранялись и предавались из поколения в поколение древнейший язык и культура, его лучшие традиции и обычаи.

Ответственность, доверительность и солидарность людей нашли выражение в том, что история обрела два народа – молдаван и гагаузов – на дружбу и консолидацию в рамках единого государства.

Сегодня, когда практически все гагаузские дети, начиная с детских садов и до университета включительно, вновь изучают родной язык, следует оглянуться на полувековой (1948–1998 гг.) опыт этнополитического взросления народа.

Эта дистанция длиной в пятьдесят лет стартовала в 1948 г., когда из Управления делами Совета министров СССР (16 декабря) министру образования СССР М.А.Кафтанову поступила директива подготовить проект постановления Совета министров СССР «Об организации культурно-просветительской работы среди гагаузов», и финишировала в 1998 г. (14 мая), когда Народное собрание (парламент) Гагаузии в городе Комрат приняло Уложение Гагаузии (Основной закон).

Особую роль в этнополитическом развитии гагаузов второй половины XX в. сыграл принятый парламентом Республики Молдова закон «Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)».

Принятию этого важнейшего на постсоветском пространстве конституционного закона предшествовало, условно говоря, шесть этапов (кратких исторических периодов) утверждения гагаузской идентичности путем этнополитического и

этнотерриториального самоопределения.

Предпоследним этапом явился этап четырехлетнего переговорного процесса (1990–1994 гг.), завершившийся принятием Закона о Гагаузии, после которого начался период легитимного существования Гагаузской автономии. За эти годы ее политическое, юридическое и организационное становление состоялось. Сегодня в пределах своей компетенции решаются вопросы экономического, социального и культурного развития региона. Опыт Гагаузии, состоявшейся в условиях сложноунитарного государства, весьма полезен для изучения и использования при разрешении межэтнических конфликтов в Грузии, Азербайджане и в самой Молдове (Приднестровье).

*Покровская Л.А.
Санкт-Петербург*

О ГАГАУЗСКИХ ФАМИЛИЯХ С ИСТОРИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ -УГЛО

У гагаузов, наряду с тюркскими, распространены болгарские, греческие, менее – сербские, албанские, молдавско-румынские, украинские, русские фамилии. Этот факт свидетельствует о том, что в состав гагаузского этноса исторически частично вошли представители болгарского, греческого и других балканских народов. Особый пласт составляют фамилии различного происхождения с компонентом -огло: *Бабогло, Василюгло, Губогло, Дулогло, Кристиогло, Тодорогло* и т.п. Фамилии такого типа являются наследием длительного пребывания (XV–XVIII вв.) тюрко-огузских предков гагаузов в Османской империи. Из трудов историков известно, что одна часть гагаузов в Болгарии относилась к болгарской церкви, другая – к греческой. В официальных документах османские чиновники прибавляли к именам, фамилиям и прозвищам не только гагаузов, но и болгар, греков турецкое слово *одеу* («сын такого-то»), которое в греческом варианте изменилось в *огло//оглу*. Один из греков с подобной фамилией являлся в России историческим лицом – это А.П.Баласогло, состоявший членом философского кружка М.В.Петрашевского, который посещали Ф.М.Достоевский и его брат. В фамилиях болгарского происхождения на -ев//ов это окончание закономерно отпадало, и компонент -огло//оглу слился с основой: *Ганчев>Ганчогло, Димов>Димогло, Маринов>Марингло* и т.п.

*Радова (Каранастас) О.К.
Кишинев*

РЕКВИЗИТЫ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГАГАУЗОВ БЕССАРАБИИ В XVIII–XIX вв.

Доклад посвящен итогам анализа реквизитов, позволивших сделать серьезный концептуально-содержательный этнографический и этнополитический порыв в гагаузоведении.

Основными реквизитами, на которых базировался автор при исследовании вопросов этнодемографического развития гагаузов Бессарабии в XVIII–XIX вв., явились архивные источники, хранящиеся в фондах Национального архива Республики Молдова: материалы фонда Бессарабского областного правительства; дела Бессарабского статистического комитета; метрические книги церквей сел Бендерского уезда; полный свод законов Российской империи; материалы переписей XIX и XX вв.; сборники документов, составленные И.Ф.Анцуповым, К.П.Крыжановской, Е.М.Руссевым и др. Привлечены также материалы, хранящиеся в Центральном государственном военно-историческом архиве России (ЦГВИАР), Государственном архиве Одесской области (ГАОО), Измаильском государственном архиве (ИГА). Автор использовал статьи и материалы, опубликованные в Кишиневских епархиальных ведомостях, записках Одесского общества истории и древностей и др.

На основе архивных материалов проведен анализ антропонимов, включенных в «списки задунайских переселенцев», в результате впервые осуществлена этническая идентификация задунайских переселенцев, поселившихся в южной Бессарабии. В этническом плане ранее эти материалы никем не характеризовались.

Новый подход позволил внести коррективы в уже устоявшееся мнение, а также прийти к совершенно новым открытиям, впервые вводимым в научный оборот.

*Смирнова С.К.
Москва*

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Постсоветская Россия, подобно предшественницам – Советскому Союзу и императорской России, изначально формировалась как сообщество регионов и народов. Поэтому Удмуртия и удмурты могут в значительной степени определять траектории своего развития как в соответствии с собственными ресурсами, интенциями и менталитетом, так и с общим направлением дел в изменяющейся России. В связи с актуализацией региональной идентичности, формирующейся на ос-

нове исторически сложившейся модели совместного проживания лиц и групп населения, принадлежащих к различным культурным, языковым и религиозным системам, возникает важная задача по сбалансированному учету регионального и человеческого факторов и, соответственно, регионализма с целью оптимизации современных трансформационных процессов, в том числе в деле демократизации, углубления социальной направленности реформ и укрепления институтов гражданского общества.

Институт стратегии развития Удмуртии как региона, созданный в 2005 г. в Удмуртии по инициативе экспертов и ученых, представителей неправительственных объединений и политиков, а также поддержанный представителями органов законодательной и исполнительной власти, призван способствовать оптимизации и успешности нынешних преобразований путем поддержки мобилизованных инициатив, связанных с эффективным участием граждан в трансформационных процессах.

Удмуртия, как и любой другой регион России, отличающийся разноликим этническим, социально-культурным и конфессиональным составом населения, представляет собой не только экспериментальное пространство по накоплению социального капитала с последующей инвестицией его в продуктивное развитие региона, но и намоленную область взаимодействия культур в рамках евразийской цивилизации.

*Сорочяну Е.С.
Кишинев*

ТЕРМИНОЛОГИЯ ГАГАУЗСКОЙ КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ

Язык, культура и самосознание являются основными этнообразующими компонентами гагаузов. В настоящее время актуальной проблемой является комплексное изучение языка и духовной культуры гагаузов в целях возрождения и реконструкции их древнейшего состояния, в том числе вопросов этногенеза и этнической истории народа.

Предметом исследования является терминология гагаузской календарной обрядности. Впервые обрядовый термин становится предметом лингвистического анализа. Основываясь на принципе многоплановости изучения (Н.И. Толстой), мы рассматриваем обрядность как категорию, представляющую собой «единство вербального (словесного), реального (предметного) и акционального (действенного) планов». Особый интерес представляет характер взаимоотношений термина и обряда, для чего предварительно исследовалась структура и значение обряда. Структурно-типологическое описание календарной обряд-

ности гагаузов проведено на полевом материале, собранном автором по специально составленной программе в конце прошлого столетия в гагаузских селах Молдовы и Одесской области.

Основу, сущность гагаузских календарных праздников составляют преимущественно народные обычаи и верования, на которые впоследствии наслоились церковные элементы. Календарные обычаи и обряды отчетливо сохраняют следы дохристианского аграрно-скотоводческого культа. Подтверждение тому находим в наименованиях обрядовых реаллий.

Термины характеризуются со стороны структуры, способов номинации, особенностей символики, словообразования; исследуются явления полисемии, омонимии, синонимии и дублетности; рассматривается вопрос об источниках формирования терминов и роли иноязычных элементов, о формальной и содержательной зависимости от болгарской народной и церковной православной календарной терминологии.

Календарные термины являются не только лингвистическим и этнографическим источником, но и своеобразным отражением социальной, историко-культурной, этнической, духовной жизни гагаузского народа на различных этапах развития.

*Субботина И.А.
Москва*

МЕЖДУ РОССИЕЙ И ТУРЦИЕЙ: МИГРАЦИОННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ГАГАУЗОВ

1. Скорость и результативность адаптации населения к новым социально-экономическим и культурно-языковым трансформациям, происходящим в обществе, отразились на масштабах, направлениях, характере и этнической структуре миграций на постсоветском пространстве, в том числе в Молдавии.

2. Изменились формы и виды миграционных перемещений. Сокращение потоков эмиграции из Молдавии, связанной со сменой постоянного места жительства, стало сопровождаться одновременным увеличением масштабов временной трудовой миграции в легальной и нелегальной формах.

3. Миграционное поведение жителей Молдавии, в том числе гагаузов, связанное с временным выездом за пределы страны, является определенной адаптивной стратегией населения. Эта стратегия несет в себе как положительный заряд, позволяющий избежать обнищания, компенсировать резкое падение доходов населения, повысить образовательный и профессиональный уровень, расширить культурный кругозор, так и негативные последствия в виде угрозы распада семей мигрантов, распространения девиантных форм поведения, социальной и культурной маргинали-

зации и в конечном счете разрушения этнокультурной идентичности.

4. Материалы этнодемографического исследования, проведенного автором в ноябре 2004 г. в Молдавии, (опросом было охвачено 700 гагаузов, проживающих в городах и селах Гагаузии) в сопоставлении с материалами аналогичного исследования 1989–1990 гг. показали, что уровень потенциальной миграции гагаузов возрос в 3.4 раза – с 5% до 17%.

Большинство гагаузов – потенциальных мигрантов, – делая выбор между двумя полюсами миграции – Россией и Турцией, ориентируются на переезд на постоянное место жительства в Россию. Временные трудовые мигранты имеют многовекторные миграционные ориентации с российской доминантой.

5. В исследовании показан демографический и социально-профессиональный состав потенциальных мигрантов-гагаузов по разным направлениям миграционных перемещений, их этнические и языковые установки и предпочтения, дан анализ социально-экономических и этнокультурных факторов выталкивания и притяжения.

Впервые сделана попытка оценить масштабы реальной внешней трудовой миграции гагаузов. При этом особое внимание уделено миграционным ориентациям гагаузской молодежи, в том числе студенчества.

*Чимоеш Л.С.
Кишинев*

ИССЛЕДОВАНИЕ ГАГАУЗСКОГО ФОЛЬКЛОРА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Гагаузская фольклористика достигла немалых успехов в деле накопления, изучения и издания произведений устного народного творчества.

Исследование гагаузского фольклора можно разделить на два этапа: первый этап – это первая половина XX в., когда возрос интерес к культурам малоизученных народов в Европе и второй этап – конец XX в., когда представилась реальная возможность начать исследования по всем направлениям гагаузоведения. На данный момент защищены диссертации по песенному творчеству гагаузов, дастанному эпосу, по маани (лирическим куплетам-четверостишиям), волшебным сказкам.

Появился опыт подготовки диссертационных работ разных школ или направлений. Так, диссертации по гагаузским маани подготовлены и в Баку, и в Софии.

В гагаузской фольклористике отсутствуют обобщающие фольклорные работы, остается неисследованным ряд жанров, мало разработан аспект этнокультурных взаимовлияний и др.

С ростом интереса к культуре гагаузов за рубежом стали появляться научные статьи, сборники и даже диссертации по гагаузскому фольклору, авторы которых, не владея материалом, допускают искажения и неточности.

В перспективе предполагаются исследование неразработанных направлений в фольклористике, активное участие в международных проектах по изданию произведений народного творчества этносов тюркского мира, а также координация работы научных центров и вузов в подготовке высокопрофессиональных кадров – исследователей фольклора.

Фольклор нуждается в более глубоком и всестороннем исследовании, так как несет в себе огромную информацию языкового, этнографического, исторического характера, являясь, в сущности, историей, рассказанной самим народом.

IV.2. ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Руководители Коростелев А.Д., Якупов Р.И.

*Антонова Е.П.
Саратов*

нистическую социологию: Учеб. пособие для студентов вузов / Ин-т социологии РАН. М., 1998. С. 6.

МОЙЩИКИ МАШИН:

УЛИЧНАЯ СУБКУЛЬТУРА В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ

При изучении провоцирующих факторов детской занятости с позиции детей приходим к выводу, что многих из них нельзя отнести к разряду тех, кто работает, чтобы выжить. Среди них весьма высок удельный вес желающих просто подработать, чтобы иметь карманные деньги, авторитет, статус, престиж. В связи с этим основной целью исследования является детский труд как культурная практика в контексте социально-правовых отношений в современном российском обществе. Пробелы в законодательстве, регулирующем занятость детей, можно понять в большей степени, изучая личный опыт работающих детей, их мотивацию, нежели анализируя нормативные документы.

Для проведения исследования была использована качественная методология, выбор которой обусловлен возможностью более детального изучения такого социального явления, как детский труд. Выбранные методы позволяют оптимальным образом составить картину проблемного поля «работающих детей», понять природу неизвестного до сих пор феномена, детально описать новые аспекты уже известных проблем или раскрыть скрытые субъективные смыслы или механизмы функционирования социальной практики¹.

Безусловно, каждая из «детских профессий», появившихся в современном российском обществе, интересна по-своему, но на данный момент наиболее изученными автором проекта являются «мойтехи». Это группа подростков в возрасте от 10 до 14 лет, которая специализируется на мойке техники: машин, мотоциклов. Все атрибуты профессии: профессиональные навыки, неформальные образовательные практики, «корпоративные» традиции – легко уловимы даже для постороннего. Несмотря на то, что отличия между районными «мойтехами» существуют, тем не менее и по внешним признакам можно определить их принадлежность к той или иной «районной касте».

Подростки, рассказывая о своей занятости, заостряли внимание на мельчайших подробностях. Из них складывается общая объективная картина, отражающая все детали профессии и субкультуры, особенности языка и поведения.

¹Семенова В.В. Качественные методы: введение в гума-

*Бижанова М.Р.
Уфа*

БАШКИРО-КАЗАХСКОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В XVIII в.

Истоки этнокультурных связей башкир и казахов восходят к глубокой древности, ко времени совместной жизни их тюркоязычных предков в составе этнолингвистической общности в Центральной Азии, а позднее на Алтае и в степях Казахстана и Приаралья. Наличие общих сходных этнических элементов, сохранившихся в составе казахского и башкирского народов до начала XX в., свидетельствует о том, что их древний и раннесредневековый компоненты, находясь в тесном этнокультурном контакте, временами входили в состав одного этнополитического объединения. В составе башкирских племен сохранились родовые подразделения этнонима *казах* (более 30). Также название *казах* является компонентом ряда башкирских личных имен. Историческую информацию несут топонимы Юго-Восточной Башкирии. По нашим полевым исследованиям, их насчитывается более 270. Одинаковый образ жизни обусловил сходство в одежде, пище и орудиях труда. У башкир и казахов были одинаковы юрты, процесс доения кобылиц, изготовление кумыса, согыма на зиму. В духовной культуре отмечается близость фольклора не только по названию, но и по содержанию и особенностям традиционного мировоззрения, свойственного кочевникам. Таким образом, этнокультурное взаимодействие башкир и казахов прослеживается всесторонне, и оно представляет большой научный интерес.

*Валеев А.В.
Уфа*

ВЬЕТНАМЦЫ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Вьетнамская этническая группа является самой крупной по численности группой дальневосточных народов, представленных в Башкортостане. Формирование группы шло следующими этапами: 1) до 1981 г. основная масса вьетнамцев приезжала обучаться в Уфимский Государственный Нефтяной Университет; 2) после заключения советско-вьетнамского договора о сотрудничестве в 1981 г., который предусматривал

предоставление Вьетнамом трудовых ресурсов в уплату долга перед СССР, приезжающие вьетнамские рабочие трудоустроивались на предприятиях легкой промышленности (Уфимская швейная фабрика, Ишимбайская трикотажная фабрика и др.); 3) в 90-е гг. большая часть рабочих вернулась во Вьетнам, в то же время появилась трудовая миграция, представленная в легальных и нелегальных формах.

На данный момент численность вьетнамской этнической группы составляет: зарегистрированных – 1600 человек, нелегальных 7–10 тысяч человек. Вьетнамская общность представлена всеми тремя группами мигрантов. Местами компактного проживания являются г. Уфа и г. Октябрьский, где они сконцентрированы вокруг торговых рыночных площадей, складов и бывших общежитий швейных фабрик.

Основной отличительной особенностью группы является различная степень интегрированности в местную среду и эмоционально-психологической адаптации.

Первая группа отличается самой высокой степенью готовности к интеграции, но самым низким уровнем психологической адаптации. Учащиеся наиболее подготовлены к встрече с новой средой, обладают необходимым начальным багажом знаний и владеют языком. В то же время они являются «временным» элементом вьетнамской диаспоры и не связывают свое будущее с Россией, этим объясняется низкий эмоциональный фон. Представители двух последних групп адаптируются и интегрируются в новой среде медленнее, причем в большей степени это относится ко второй группе.

*Васина Е.Н.
Саратов*

ТОРГОВЦЫ НА РЫНКЕ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ: ПРАКТИКА ЗАКУПКИ ТОВАРА КАК АСПЕКТ ПРОФЕССИИ ПРОДАВЦА

Торговцы на рынке под открытым небом представляют собой определенное профессиональное сообщество. Мы привыкли понимать профессию в традиционном смысле, т.е. как род деятельности, имеющий под собой формальное основание и требующий специального образования, профессиональных навыков и умений. В то же время деятельность людей не всегда имеет в своем основании формальное начало. Подобного рода ситуация обстоит и с изучаемым сообществом уличных торговцев. Помимо формальной группы признаков, существуют также неформальные признаки, объединяющие людей в некое однородное целое. Эти признаки можно разделить на общие (природа возникновения, история профессии), объединяющие (сленг, форма одежды, манера поведения, стереотипы, способы проведения досуга) и отличительные, скрытые, имеющие своей целью более плодотворную деятельность (некое

скрытое знание). Следовательно, знание может носить не только формальный характер, приобретаться не только посредством образовательных учреждений, но и с помощью личного опыта. Данную ситуацию можно рассматривать на примере некоторых аспектов деятельности рыночных торговцев, истории существования (именно существования, а не возникновения профессии, так как «торговля» бытовала всегда, изменялись лишь ее формы во временных и культурных рамках), поведения, аспекта закупки товара, который является лишь одной из зон исполнения спектакля торговли, – все это поможет ответить на вопрос, является ли деятельность торговца профессией. Поездка за товаром включает в себя несколько этапов: покупка билетов, размещение в транспорте, поведение в дороге, знание оптового рынка и действия на нем.

*Габдрахманова Г.Ф.
Мусина Р.Н.
Казань*

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЭТНИЧЕСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ В УСЛОВИЯХ РЕПАТРИАЦИИ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР

В докладе освещаются результаты этносоциологического исследования идентичности крымских татар, осуществленного в рамках проекта «Крымские татары: традиционная культура и современные этносоциальные и этнокультурные процессы» при финансовой поддержке РГНФ (проект 03-01-18010е).

Официальное снятие запретов на свободу передвижения депортированных народов означало точку отсчета в поисках новых оснований для построения групповой идентичности. В структуре социальной идентичности современных крымских татар существенную роль играют базовые и этнополитические категории, обусловленные стремлением восстановить утраченные человеческие права и сложным характером адаптации. Наряду с активной конструктивистской деятельностью Меджлиса в формировании идеологием этнической идентичности крымских татар, наблюдается проявление специфических категорий этнического самосознания и их детерминант. Это актуализация исторических аргументов, восстановление общетюркской идентичности и укрепление связей с Турцией, субэтнического самосознания, стремительное формирование отряда национальной, прежде всего гуманитарной, интеллигенции, развитие национального образования, возрождение традиционных и появление новых форм религиозных, этнических обрядов и праздников, процессов восстановления священных и ритуальных мест, фольклорного искусства.

Значимыми факторами, влияющими на систему идентичностей крымских татар, являются также этносоциальная среда периода депортации, семейно-родственные связи, современная госу-

дарственная политика, роль которой в ряде случаев является определяющей.

*Гончарова Т.А.
Томск*

ЭТНИЧЕСКИЕ ГЕТЕРОСТЕРЕОТИПЫ В КОНТЕКСТЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ ПО НИЖНЕМУ ПРИТОМЬЮ)

Межэтнический уровень коммуникации актуализирует «непохожесть» представителей «своей» и «чужой» культур. Основываясь на собственных культурных нормах и правилах, человек подмечает то, что не вписывается в *его* мировоззренческое пространство. В результате постепенно складывается этнический стереотип, являющийся обобщенным представлением о типичных чертах какого-либо определенного народа.

Репрезентативный материал по этническим стереотипам накоплен в зонах интенсивного межэтнического взаимодействия. К числу таких регионов относится и Нижнее Притомье, в этнической палитре которого представлены десятки народов. Ежедневные контакты в различных сферах жизнедеятельности позволили его жителям накопить немало интересных и во многом неожиданных суждений о представителях разных национальностей. В качестве конкретного примера могут служить отдельные черты образа русских, сформировавшегося у депортированного в Сибирь немецкого населения в начальный период знакомства. Первое впечатление о человеке, безусловно, связано с внешним видом. Так, немцы воспринимали местных русских жителей как «веревочников», имея в виду способ подпоясывания мужской верхней одежды веревками. Недоумение вызывали также деревянные палочки вместо пуговиц, отсутствие традиции ношения галстуков. По мнению немцев, до их приезда местное население не умело ни шить, ни вышивать, ни красиво одеваться. Такие характеристики русских деревень в Сибири, как бездорожье, неогороженность хозяйственных территорий, произвольное разгуливание скота, подмеченные ими, дали повод судить о русских как о нерадивых хозяевах, при этом за эталон, естественно, принимались хозяйственные традиции немцев.

*Губанов И.Б., Иванова-Бучатская Ю.В.
Санкт-Петербург*

ХЕНГИСТ И ХОРСА: ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ДАнные И ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

По всему балтийскому ареалу – на севере Германии (Мекленбург, Нижняя Саксония, Шлезвиг, Гольштейн и область Лауэнбурга), в Прибалтике, Ютландии – распространены скрещенные конские головы как элемент оформления фронтона и конька крыш крестьянских домов-дворов (нижне-нем. «Mulapen», «Pittkopp»). Любопытно, что и в наши

дни в Шлезвиг-Гольштейне скрещенные головы коней на фронтоне крыши в народе называют «Hengist und Horsa». Наименование резных коньков тождественно именам древних вождей «англов или саксов», братьев Хенгиста и Хорсы (нем. Hengst ‘жеребец’, др.-англ. horsa ‘лошадь, конь’), призванных бриттами и их королем Вортигерном после отъезда римских легионов в Британию в начале V в. При многообразии обозначений коня в современном немецком языке (южно-нем. Ross, средне-нем. Pferd, Hengst) отсутствует лексема с германским корнем hors-. Как трактовать полученные этнографические данные? Возможно, имена англосаксонских вождей – «Hengist und Horsa» – имели сакральное значение и были связаны с индоевропейским «близнечным мифом», как и обычай установки скрещенных конских голов на коньке крыши. Не исключено, что родиной вождей древнегерманских дружин, завоевавших Британию, были земли современного Шлезвиг-Гольштейна, которые наряду с располагавшимся севернее п-вом Ютландия издревле входили в территории, заселенные древнегерманскими племенами *ингвеонской* группы. В начале V в. проходит процесс заселения Ютландии древнескандинавским племенем *данов*. Здесь могла действовать классическая схема перемещения «варварских» этносов эпохи Великого переселения – «выдавливания» одного этноса другим. Таким образом, Хенгист и Хорса, возможно, действительно имели реальные основания «не держаться» за историческую родину ввиду возрастания «датской угрозы», и пограничный с территорией Ютландии, заселявшейся данами, Шлезвиг-Гольштейн в таком случае как нельзя лучше подходит для локализации родины будущих англосаксов.

*Егоров С.Б.
Санкт-Петербург*

ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЕВОЙ ЭТНОГРАФИИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

В XX в. на Северо-Западе Европейской России произошли коренные преобразования, которые привели к существенному изменению этнокультурной ситуации. Заметно трансформировались этническая, демографическая и социальная структуры населения. Почти не осталось поселений с однородным национальным составом. Подавляющая часть сельских поселений исчезла или находится на грани ликвидации. Значительную часть сельских жителей составляют переселенцы из других регионов страны.

Если до недавнего времени этнографы, собирающие информацию в поле, оперировали материалами рубежа XIX–XX вв., то в настоящее время следует говорить о возможной фиксации элементов культуры не ранее 1920-х гг., хотя ретроспективно некоторые из них можно отнести и к более раннему периоду.

Наблюдается сдвиг к актуализации одних и вытеснению других элементов этнической куль-

туры. Материальные компоненты все больше унифицируются, а область духовной культуры расширяется.

Носителями информации все чаще выступают городские жители, которые проводят летний сезон в сельской местности. Образовательный уровень информантов достаточно высок. В связи с этим встает проблема соотношения «книжного» и традиционного знания.

Особого внимания и тщательной фиксации в настоящее время требуют темы, связанные с происходящими преобразованиями в социальных отношениях, религиозной жизни, с формированием структур самоуправления.

В настоящее время местные органы власти не всегда оказывают помощь в организации исследований, поэтому возрастает роль личных контактов с людьми.

*Еремеева Н.А.
Уфа*

КИТАЙСКАЯ ДИАСПОРА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ БРАКИ

Специфика российского Дальнего Востока заключается в значительной степени в его пограничном положении. В последние десятилетия этот регион стал не просто ареной, но и плацдармом нарастающего миграционного потока из Юго-Восточной и частично Центральной Азии во внутренние районы континента. Основным источником этого движения на Дальнем Востоке является Северо-Восточный Китай с его густозаселенными и обладающими огромным иммиграционным потенциалом территориями. История миграции китайского этноса на территорию Дальнего Востока знает несколько периодов, но последний (1991–2005 гг.) является наиболее мощным. Особой формой проникновения и натурализации нелегальных мигрантов из Китая на данном этапе является заключение браков с российскими гражданами, в том числе фиктивных, что дает право на получение российского гражданства как самим мигрантам, так и их детям. Поэтому российско-китайские браки и семьи, на наш взгляд, должны стать одним из важнейших объектов современных этнологических исследований. В широком плане изучение этой проблемы дает возможность проследить последствия смешения культур, взаимопроникновение цивилизаций.

*Казурова Е.В.
Саратов*

ЭТНОГРАФИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА: ВНУТРЕННИЙ МИР МЕНЕДЖЕРОВ ПО ПРОДАЖАМ

В статье освещаются результаты эмпирического исследования, проведенного с применением этнографических методов и посвященного про-

цессу конструирования такого вида занятости как «менеджер по продажам».

В современных условиях меняются черты многих традиционных в СССР профессий. К представителям торгового дела стали предъявляться новые требования. Актуализировался аспект индивидуальной активности – оказалось, что важно не просто отпустить товар покупателю, уже пришедшим в магазин, но искать потенциальных клиентов, умело предложить им приобрести товар.

В исследовании ставится под сомнение адекватность названия данной профессии: мы считаем, что слово «менеджер» появилось вследствие изменения содержания деятельности продавца и значительного расширения диапазона выполняемых им ролей, но определяем менеджеров по продажам как профессиональную группу, так как они постоянно заняты своим промыслом, рассматривают его как источник дохода и их трудовая деятельность требует специальных теоретических, практических навыков, приобретенных в результате специальной подготовки, опыта работы.

Анализ повседневной деятельности менеджеров по продажам и распределения гендерных ролей в рамках одного рабочего места раскрывает определяющее значение неформальных факторов в конструировании всех аспектов их профессиональной деятельности. Исследование показывает, что предпочтения в сфере образования, представления о профессионализме базируются преимущественно в сфере опыта повседневности, так как в рамках исследуемой профессиональной группы еще не сформированы фундаментальные структуры профессионального габитуса. Эти аспекты усиливают нестабильность и препятствуют институционализации данной профессии, что делает исследуемую профессиональную группу наиболее уязвимой в различных кризисных ситуациях.

*Кандауров С.П.
Самара*

РЕЛИГИОЗНАЯ ВЕРА КАК ФАКТОР МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

В современном полиэтничном российском обществе возрастает значение религиозной веры в межэтническом взаимодействии. Это обусловлено степенью и масштабами религиозности населения, его этническим составом, уровнем профессиональной гомогенности, традицией и т.д. Проведенные в 2004 г. социологические исследования показали, что большинство признают влияние религиозных убеждений на межэтнические отношения, а более трети, в основном верующие, отрицают. Большинство считают это влияние отрицательным, ссылаясь на опасность «противопоставления людей по религиозному и национальному признаку», исходящую от некоторых религиоз-

ных организаций. В положительном влиянии убеждены в основном русские и традиционно живущие в данном регионе народы. По их мнению, «вера утверждает уважение к людям других национальностей и религий» и «сближает людей разных национальностей». Абсолютное большинство толерантно в отношении представителей иных конфессий. Для части массива характерна конфессиональная ограниченность в диапазоне от предпочтения своих (каждый шестой) до религиозного фанатизма (2,2%). Толерантность характерна в большей степени для верующих старшей возрастной группы, проживающих в крупных городах. Среди ориентирующихся на своих больше молодежи, особенно в селах и малых городах. Самые толерантные – мусульмане, замкнутые – иудеи.

Радикальные настроения в большей степени распространены среди неработающих и выступающих за формирование властных структур по этническому признаку. Из занятых менее всего толерантны специалисты и служащие. В Самаре радикалов более всего среди учащейся молодежи и беднейших слоев населения. 12,3% опрошенных испытывают неприязнь к представителям иных конфессий. Распространена она более всего среди местного населения, особенно русских, преимущественно бедных. Преобладает антимусульманская направленность (80%). Заметно латентно обозначившееся противостояние представителей двух основных конфессий (православных и мусульман) на уровне самой социально активной части населения. Характерны территориальные различия по состоянию межконфессиональных отношений в регионе. Для преодоления отмеченных проблем требуются меры организационного, культурно-просветительного, воспитательного и иного характера при консолидации усилий всех заинтересованных сторон как государства, так и гражданского общества.

*Касимова Д.Г.
Глазов*

СВОЕОБРАЗИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА ЧЕПЕЦКИХ ТАТАР КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Изучение татарского народа невозможно без понимания его культурной вариативности. В процессе этногенеза и этнической истории сложилось несколько субэтнических групп татар, расселенных на значительном расстоянии друг от друга. К их числу относятся и чепецкие татары – этнографическая группа казанских татар, расселенная в бассейне реки Чепцы (северные районы Удмуртии и северо-восток Кировской области). На сегодняшний день следует говорить о существовании трех подгрупп чепецких татар: нижнечепецкой (нукратской), среднечепецкой (юкаменской) и верхнечепецкой (кестымской).

Своеобразие этнокультурного облика территориальных подгрупп формировалось в течение

длительного времени по ряду причин: административной разобщенности, территориальной удаленности, разной степени межэтнических контактов с русскими, удмуртами, бесермянами. Например, нукратская подгруппа татар испытала сильное влияние русских и бесермян, юкаменская – бесермян и удмуртов.

Вообще связи двух народов – татар и бесермян – в течение нескольких веков были столь тесными, что это давало возможность некоторым исследователям усомниться в правильности этнической характеристики татарских населенных пунктов. Даже предлагалось различать в чепецком регионе четыре группы: татар-мусульман, бесермян-мусульман, татар-христиан и бесермян-христиан.

Этнокультурное взаимодействие татар с соседними народами наиболее ярко проявилось в хозяйственной деятельности, словаре, религиозных представлениях, мифотворчестве, некоторых обрядах семейного и календарного цикла.

*Квашина В.В.
Тюмень*

ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ И ТЕРРИТОРИИ ПРОЖИВАНИЯ НА ВЫБОР ЦВЕТОВОЙ ГАММЫ ОДЕЖДЫ РОССИЙСКИХ КОРЕЙЦЕВ

В конце XX в. в России появились корейские товары, поражающие непривычно яркой окраской тканей. Предлагались так называемые «электрические оттенки», обладающие чрезмерной по российским меркам насыщенностью. Однако они плохо сочетались с общим стилем одежды в Сибири, где преобладает темная цветовая гамма в осенне-зимний период и светлая, малонасыщенная – в летний период. Это особенно актуально, если речь идет о деловом стиле одежды. Он предполагает использование неярких оттенков: темные тона призваны сдерживать эмоции, способствовать бесстрастному общению.

Для праздничной корейской традиции одежды характерно использование ярких оттенков потому, что они ассоциировались с достатком носящего человека. Яркая окрашенная одежда стоила гораздо дороже, носили ее по особым случаям. В обычные дни одевались в одежду неярких тонов из некрашеного холста.

В одном костюме могли сочетаться дисгармонирующие цвета: зеленый, красный, желтый. Акцент делался на насыщенность цвета, а не на их сочетание. Подобное отношение к цветам сохранялось и в современной торговле корейскими товарами. Доброжелательный продавец может быть облачен в желтую кофту, зеленые брюки, синюю куртку. В европейской традиции если в одежде встречается несколько оттенков, то они должны гармонично дополнять друг друга.

Какое-то время стремление выглядеть ярко, сочетать контрастные оттенки в костюме охвати-

ло и российских корейцев, и другие национальности Сибири. Но это явление, не поддерживаемое традициями русского костюма, быстро ушло.

Одежда является показателем социального статуса человека, поэтому корейцы стремятся носить те же платья, что и русское население. Это обеспечивает возможность быть хорошо воспринятыми русскими, составляющими большинство жителей, чувствовать себя комфортно в России.

*Кобзев А.В.
Ульяновск*

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР В ОТНОШЕНИЯХ МУСУЛЬМАН СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ С ПРАВОСЛАВНЫМИ ХРИСТИАНАМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Во второй половине XIX – начале XX вв. православные христиане воспринимались татарами-мусульманами Симбирской губернии как неверные (гяуры), а православие расценивалось как многобожие, идолопоклонство. Тем не менее уровень конфликтности в повседневной жизни между мусульманами и православными оставался крайне низким. Негативные конфессиональные представления о православных христианах и церкви редко воплощались в быту. В целом татары-мусульмане равнодушно относились к православной вере и с православным населением жили в мире и согласии.

Происходившие иногда конфликты между представителями разных конфессий вызывались нетактичным отношением к этническим и религиозным чувствам друг друга. Особую неприязнь мусульман вызывали миссионерские попытки отдельных православных священников «поговорить» с ними о вере. В этом мусульмане видели угрозу своим этническим и религиозным чувствам, и ответом на враждебное отношение православной церкви к исламу были богохульства и кощунства некоторых татар-мусульман в отношении догматов и обрядов православной церкви.

К переходу в иные конфессии, главным образом, в православие у татар-мусульман сохранялось устойчивое негативное отношение, так как ислам являлся важным фактором их этнической идентификации. Поэтому некоторые татары, принявшие православие, переставали осознавать себя татарами, будучи убеждены в неразрывной связи этнонима и конфессии. Изредка мусульмане Симбирской губернии переходили в иные христианские исповедания, например в протестантизм. Эти переходы, по сравнению с принятием православия, не воспринимались столь негативно в татарской среде.

*Комзатов А.И.
Уфа*

ОБЩЕРЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УСТРОЙСТВА ЖИЛИЩ У СЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА

На огромных пространствах России у народов, расселенных в различных физико-географических зонах и стоявших в прошлом на разных уровнях социально-экономического развития, под влиянием определенных факторов сформировались различные типы жилищ, закрепляемые этнической традицией. Однако этнографы и историки давно обратили внимание на общерегиональные тенденции в развитии этнической культуры. В этой связи в этнографической науке существуют теория и принципы историко-культурного районирования. Дальнейшие разработки в данной области, видимо, будут зависеть от накопления и систематизации конкретных эмпирических данных

Известно, что региональная специфика лучше выявляется в материальной культуре, непосредственно связанной с системами жизнеобеспечения и природно-ландшафтными условиями. В этом направлении более или менее ясной является картина хозяйственной деятельности. Наиболее же сложным явлением для историко-культурной типологии материальной культуры нам представляется жилище. В нашем исследовании ставится задача рассмотрения типологии и выявления общерегиональных особенностей жилищ славянских народов Волго-Уральского региона, определяются ареалы распространения отдельных элементов и типов жилища в их историческом развитии.

*Коростелев А.Д.
Москва*

ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В УРАЛО-ПОВОЛЖСКОМ РЕГИОНЕ

Необходимость изучения локальных особенностей этнокультурных взаимодействий связана с тем, что при исследовании таких взаимодействий не всегда обращается достаточное внимание на особенности пространственного разнообразия протекающих процессов. Между тем взаимодействие одних и тех же групп в разных локальных средах может происходить различным образом и иметь неодинаковые результаты. Такие различия обусловлены сложным комплексом причин, связанных с историей формирования взаимодействующих групп, соотношением их численности и спецификой контактирования, особенностями их социально-экономического развития и политического статуса, природными условиями данной местности и др.

Данная тема представляется весьма актуальной для Урало-Поволжского региона в связи с чересполосным и смешанным проживанием представителей разных народов во многих частях региона. При этом по степени этнической мозаичности особенно выделяется территория Республики Башкортостан, а также некоторые районы соседних с ней областей и республик. Можно говорить о разнообразии ситуаций татарско-башкирского, чувашско-татарского, удмуртско-тюркского и марийско-тюркского взаимодействий и результатов таких взаимодействий.

Таким образом, территория Южного Приуралья представляет собой редкое исследовательское поле, дающее возможность изучать характер и закономерности процессов межэтнических взаимодействий и выявлять факторы, влияющие на их разнообразие. При этом наиболее продуктивным представляется одновременное участие в исследованиях такого рода специалистов по разным народам, что, помимо всего, будет также способствовать преодолению относительной изолированности коллег, работающих в разных республиканских и областных центрах.

*Кулешов Д.Н.
Уфа*

ТЮРКО-МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР СНГ: МИГРАЦИИ И ВРЕМЕННЫЕ СООБЩЕСТВА

Миграции населения, захлестнувшие постсоветское пространство (далее – ПСП), стали фактором глубинных изменений в национальном и демографическом развитии населения как России, так и всех республик бывшего СССР. Эти изменения, на наш взгляд, имеют долгосрочный характер и еще длительное время будут определять особенности социально-демографических процессов на вышеуказанной территории.

По данным социологов, уровень рождаемости в России находится ниже уровня простого воспроизводства, причем смертность выше рождаемости. Единственный ресурс воспроизводства населения – миграция. В этих условиях необходимо изучение миграционных процессов, которое позволяет выявить ценный опыт в области государственного реагирования и регулирования организованных и неорганизованных переселений.

Большой интерес для исследователя представляет тюрко-мусульманский регион бывшего СССР, особенно современные миграционные тенденции в пределах круга – Башкирия, Татария, Казахстан и Узбекистан. Башкортостан и Татарстан являются выгодной площадкой для переселения мигрантов из СНГ (как временных, так и постоянных) вследствие языковой, религиозной и территориальной близости. Вместе с тем в советский период Казахстан и Узбекистан были, пожалуй, одними из главных объектов миграций населения автономий Урало-Поволжья. Так или

иначе, взаимосвязанность и современные тенденции этих процессов должны быть предметом обстоятельного научного анализа.

*Макаров Л.Д.
Ижевск*

МИХАЙЛОВСКИЙ МОГИЛЬНИК КАК ИСТОЧНИК ПО ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XIX ВВ.

Михайловский могильник – первый некрополь Ижевска, существовавший полвека (1760–1810 гг.). После пожара 1810 г. кладбище было устроено в другом месте, а на запустевшем месте в 1855 г. сначала была построена Михайловская часовня, а в 1897 г. заложена Михайло-Архангельская церковь (с 1925 г. – Свято-Михайловский собор), снесенная в 1937 г. (наземная часть) и в 1947 г. или 1948 г. (цокольный этаж). В связи с решением о возрождении храма на прежнем месте в 1996, 2001, 2003 и 2004 гг. проведены археологические исследования. Удалось изучить остатки 42-х православных погребений, располагавшихся в 17-ти рядах. При этом в 40 могилах обнаружены 4 разновидности усыпальниц: 1) дощатые гробовища, сколоченные железными гвоздями (62.5%) – «никонианские» домовины; 2) гробовища, скрепленные органикой (предположительно – деревянными или клиньями либо лыковыми (черемуховыми) веревками (12.5%) – старообрядческие сооружения; 3) колоды, выдолбленные из цельных стволов деревьев (17.5%) – архаичный русский способ погребения, сохраненный старообрядцами, но известный и у язычников-пермян; 4) коконы из луба, коры или бересты (7.5%), хорошо известные у удмуртов, но недавно выявленные и у русских Прикамья (Зуевключевской III могильник). В трех случаях гробовища были перекрыты дощатыми полами, один раз – плитками песчаника. Помимо крестов-тельников, обнаруженных почти в каждом захоронении, в 5-ти могилах найдены единичные украшения (гирьковидные подвески, серьги, височная подвеска, две медные монеты, остатки головного убора-кокошника), что можно расценить как своеобразную дань языческим традициям. Отмеченные особенности органично детализируют сведения как по этническому составу Ижевска (по данным 1854 г. здесь проживали 95.4% русских, 2% удмуртов, 2.1% татар, 0.2% евреев, 0.3% иностранцев), так и по его конфессиональной принадлежности (94.7% «никонианцы», 2.1% старообрядцев и единоверцев, 0.5% католиков и лютеран, 2.2% мусульман, 0.4% иудеев). Естественно, мусульман и иудеев хоронили на своих кладбищах, а вот представители христианских церквей могли найти успокоение на едином некрополе. Однако в материалах Михайловского могильника «чистых» комплексов немного, зато немало признаков смешения традиций «никонианства», старообрядчества, славянского и удмуртского язычества.

Муллагулов М.Г
Уфа

К ВОПРОСУ ОБ АДАПТАЦИИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ К ПРИРОДНЫМ УСЛОВИЯМ ЮЖНОГО УРАЛА

Процесс освоения края русским крестьянством и горнозаводским населением, адаптации русского населения к природным и климатическим условиям Южного Урала сопровождался этнокультурным взаимодействием с представителями коренных этносов региона, в котором значительную роль играли башкиры. Ко времени прихода русских в этот край башкиры имели практический опыт по освоению природных богатств края: умели плавить железную руду традиционным способом (А.П.Газов), добывали «своим способом» золото (В.И.Даль) и некоторые другие металлы. В жизнеобеспечении коренных жителей большую роль играли собирательство, охота, рыболовство, бортничество, не говоря уже о скотоводстве; занимались башкиры и земледелием: сеяли просо, ячмень, полбу без предварительного разрыхления почвы.

Следы культурного влияния башкир на русское население обнаруживаются во всех областях хозяйственной жизни.

Производившиеся нами многолетние полевые исследования в различных районах Башкортостана и за его пределами показывают, что объектами и субъектами этнокультурного взаимодействия и взаимовлияния в одинаковой степени были и башкиры, и русские. В отдельных видах хозяйственной деятельности русских, даже в таком традиционном, как земледелие, заметны следы влияния сложившихся у башкир сельскохозяйственного районирования и календарных традиций.

Никитина Г.А.
Ижевск

УДМУРТЫ ЗА ПРЕДЕЛАМИ УДМУРТИИ: УРОВНИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Идентичность – гибкая и сложная характеристика. Как на федеральном, так и региональном уровнях можно обнаружить сложную и динамическую систему взаимодействия идентичностей.

Иерархичность системы на порядок усложняется в локальных этнических общностях, расселенных в отдалении от основного ядра этноса. Например, уровни этнической идентичности удмуртов Татышлинского района Республики Башкортостан могут выглядеть следующим образом (по нисходящей от общего к конкретному): общетнический (мы – **удмурты**) > локально-межгрупповой (мы – **закамские удмурты**) > локальный / групповой / диаспорный (мы – **закамские «башкирские» удмурты**) > диаспорный этнокон-

фессиональный (мы – **закамские башкирские удмурты-язычники**).

Таксономические уровни региональной идентификации выстраиваются в цепочку (по нарастающей): от субъектного национально-государственный (мы – **граждане РБ**) = формирующийся от субъектного политико-гражданский (мы – **башкортостанцы**) > федеральный общегражданский/общенациональный (мы – **россияне**).

Как некую тенденцию можно обозначить региональное / историко-культурное позиционирование себя как жителей Урало-Поволжья (мы – **один из народов Урало-Поволжья**).

О самоидентификации удмуртов Республики Башкортостан с новообразованием типа федерального округа (в данном случае – Приволжского) можно говорить достаточно условно: геополитических, реальных хозяйственно-экономических, культурно-антропологических и иных, кроме формально-административных, оснований для подобного позиционирования пока нет.

В действительности цепочка идентичностей, механизм их взаимосцепления и взаимодействия сложнее и разнообразнее. Поиск идентичностей не завершен.

Исследования в этом направлении актуальны как с научной, так и прикладной точек зрения. Выявление соответствия российской политической системы идентичностям и самоидентификациям общества на федеральном, региональном и этническом уровнях необходимо для обеспечения безопасности личности, народов, государства.

Роднов М.И.
Уфа

ЗЕМСКИЕ ПЕРЕПИСИ – ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Проводившиеся на рубеже XIX–XX вв. в различных регионах России земские переписи крестьянских хозяйств, помимо информации об экономике деревни, содержат материалы по межэтническому взаимодействию. Регистрация сведений по каждому домохозяйству фиксирует расселение отдельных семей в иноэтничной среде, отражающее степень этнокультурной терпимости. Материалы переписи 1917 г. показывают широкое проникновение русских в тюркоязычную деревню Башкирии, подтверждают слабость межконфессиональной конфликтности на бытовом уровне.

Особое значение имеют «медленные» переписи, когда обследование села происходило длительное время, путем неоднократных бесед с респондентами. Во время переписи 1900–1901 гг. опрос домохозяев показал наличие устойчивой татарской самоидентификации в селах Самарской губернии.

Сопоставление данных хронологически близ-

ких исследований позволяет проследить уровень устойчивости малых этнических групп (чувашей-«идолопоклонников») в татарском окружении, скорость процессов ассимиляции, зависимость от расселения и уровня развития.

Неэтнографический характер переписей позволяет считать их нейтральным источником для изучения самоидентификации рядового населения, хотя большую роль при фиксации этнической принадлежности играли общинная администрация и личность регистратора. Появляются (в Уфимской губернии) новые этнонимы (тюмен, казак, алатор), сложные виды самоназваний (башкир-мишар-магометанин), локальные варианты (русские, великорусы, православные), уточняются формы восприятия нерусских этнонимов (тепляр, мишер), проявляется воздействие модернизационных процессов – усиленное внимание к своей этничности у сельской интеллигенции, переход к собственным самоназваниям (мари, марий в Прикамье), складывание русскоязычного населения в горнозаводской зоне Южного Урала.

*Романов П.В.
Саратов*

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ

В докладе рассматриваются теоретические и методологические тенденции эволюции социальной антропологии организаций, перспективы и тенденции развития отечественных исследований организаций, выполненных в этнографическом ключе. В современном индустриальном обществе профессиональная деятельность характеризуется значительным многообразием. Вокруг нее формируется множество автономных миров со своими субкультурами, практикам и смыслами. Их изучение требует от социальных антропологов применения особых теоретических и эмпирических подходов.

Этнографические исследования организаций отмечены особым тематическим фокусом на локальной трудовой и профессиональной культуре, повседневности на рабочем месте, символическом оформлении трудового процесса, процессах производства и воспроизводства разнообразных форм власти в широком спектре институциональных контекстов – от промышленного предприятия до сообщества торговцев блошиного рынка. Антропология организаций к началу 1990-х гг. на Западе оформилась в самостоятельную дисциплину на стыке социальной антропологии и социологии, от которой советские ученые оказались в значительной степени изолированы.

Советский дискурс исследований работы воспроизводил такую нормативную модель бескон-

фликтного трудового коллектива, которая игнорировала микроуровень трудовых отношений на рабочем месте, автономию и многообразие профессиональных миров, противоречивые тенденции формирования экспертного знания. В свою очередь отечественная этнография была в значительной мере ограничена изучением тематического поля удаленных во времени и пространстве трудовых практик.

Последние годы знаменуются ростом интереса к исследованиям на микроуровне, изучению повседневности современного индустриального общества. Интенсивно расширяется использование этнографических методов – долговременного включенного наблюдения, глубинных интервью, изучение текстов различной природы, применение визуальных методов – в исследованиях организаций. Парадигмальный сдвиг в направлении микроуровневых исследований организаций вызывает возрастающий интерес среди ученых, и, таким образом, коллективная междисциплинарная рефлексия в этой области представляется современной.

*Рычкова Н.В.
Казань*

ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННЫХ ФАКТОРОВ ПЕРСОНАЛА ФИРМ

Методологической базой исследования являются идеи внутреннего маркетинга и мотивационной теории Ф.Герцберга. Объектом исследования были молодые специалисты с высшим экономическим образованием. Выявлена следующая структура мотивации к работе. Высокая значимость мотивационных факторов: у татар – зарплата, санитарно-гигиенические условия, сплоченный коллектив, рабочее место, продвижение по службе; у русских – зарплата, сплоченный коллектив, санитарно-гигиенические условия, продвижение по службе, участие в управлении. Средний показатель значимости: у татар – определенный круг обязанностей, профессиональное мастерство, отпуск в удобное время, обеспечение в старости, улучшение жилищных условий, общение с коллегами; у русских – рабочее место, профессиональное мастерство, общественное признание, отпуск в удобное время, общение с коллегами. Низкий показатель значимости: у татар – использование способностей, участие в управлении, власть и влияние, соответствие интересов, общественное признание; у русских – определенный круг обязанностей, власть и влияние, использование способностей, улучшение жилищных условий, соответствие интересов, обеспечение в старости.

В целом значение так называемых гигиенических факторов, которые приводят к отсутствию неудовлетворенности работой, у представителей

этих этносов, примерно одинаково. Однако для татар большую, чем у русских, значимость имеет мотив «обеспечение в старости» (9 и 16 место соответственно).

Различия в первую очередь касаются факторов, затрагивающих сущность и характер работы. Стремление активно участвовать в управлении производством ярко выражено у молодых специалистов русской национальности (5 место в мотивационной структуре). У татар этот мотив занимает 13 место. Общественное признание в большей степени важно для русских специалистов (8 место у русских, 16 место у татар).

Особенности мотивационной структуры определяют направленность поведения специалиста. Понимание кросскультурных аспектов поведения персонала позволит фирме повысить эффективность управления, увеличить свои возможности привлекать и удерживать внешних потребителей, что является показателем ее конкурентоспособности.

*Сафин Ф.Г.
Уфа*

ОБОСТРЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ПРОБЛЕМЫ В БАШКОРТОСТАНЕ

Принятый в феврале 1999 г. закон «О языках народов Республики Башкортостан», предоставивший государственный статус башкирскому и русскому языкам, уже более шести лет является камнем преткновения в межнациональных отношениях в республике. Не согласные с таким решением проблемы татарские общественные организации неоднократно поднимали этот вопрос перед руководством республики. В июне 2004 г. все татарские организации (их более 15) объединились в Союз общественных организаций татар Башкортостана, который, наряду с языковыми вопросами, стал выдвигать более радикальные требования, связанные с отставкой руководства республики, заявляя, что это руководство более чем за 15 лет ничего не сделало для решения этноязыковых проблем татарского населения республики. В докладе проводится анализ национально-языковой ситуации с учетом последней переписи 2002 г. и рассматриваются перспективы современных тенденций развития этнополитической ситуации.

*Соболь Л.С.
Уфа*

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭТНОСОВ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (ЮЖНЫЙ УРАЛ)

На территории Южного Урала проживают представители нескольких десятков этнических

групп. Их историко-этнографическое описание начиналось еще XVIII в., однако систематическое изучение приходится только на вторую половину XX столетия. В это время окончательно сложились институты этнографической науки, проявились тенденции к складыванию этнологических школ. В этой связи представляется необходимым подвести промежуточные итоги развития этнографической науки в регионе, что обусловлено слабой разработанностью истории региональной науки в России в целом. Одновременно с постепенным исчезновением «традиционности» в культуре народов региона изменяются задачи, методы и даже объект самой этнографической науки. Вследствие этого в последнее время наблюдается интерес исследователей к этнологической историографии. Наиболее интересными в данной области являются работы Р.И. Якупова (Уфа), Г.Н. Чагина (Пермь), А.А. Рыбалко (Челябинск), Р.З. Янгузина (Уфа). Осмысление этапов и логики развития этнографии на южном Урале – цель нашего доклада.

*Сулейманова Д.Н.
Казань*

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ИНТЕРЬЕРЕ ТРАДИЦИОННОГО ТАТАРСКОГО ДОМА

Регион Поволжья – зона интенсивных этнокультурных контактов. Начиная с раннего средневековья (VII–IX вв.) здесь происходили тесные взаимодействия между финно-угорским и тюркским населением, а с XVI в. наблюдается активное проникновение русских в этот регион. Произошедшие изменения политического характера (формирование единой Российской империи, в состав которой вошел и регион Поволжья) способствовали более интенсивным связям между преобладающими здесь этносами (русские, татары, финно-угры) и конфессиями (христианской, мусульманской и языческой). Процессы многовековых взаимосвязей народов привели к многосторонним этнокультурным заимствованиям, а также к формированию общего регионального слоя культуры. Все эти процессы ясно прослеживаются на материалах жилища народов Поволжья, в частности в традиционном интерьере татарского дома.

Интерьер как предметно-пространственная среда жилища позволяет раскрыть этническую историю народа, его духовное мировоззрение, выявить этнокультурные контакты. Структура внутреннего пространства татарского жилища отражает мировоззрение тюрков, в то время как составляющие элементы интерьера (предметы обстановки, утварь) имеют различное происхождение: тюркское, финно-угорское и русское.

Необходимо выделить территории более активного взаимодействия этносов в поволжском

регионе, где татарское население проживает среди русского окружения. Здесь сложились локальные типы традиционной культуры нукратских, темниковских, чепецких и других этнографических групп татар. В интерьере этих локальных групп аналогии с русским интерьером более многочисленны, что обусловлено заимствованием многих культурных форм.

Общность явлений в традиционном интерьере дома у народов Поволжья является одной из моделей взаимодействия культур в евразийском пространстве.

*Сулова С.В.
Казань*

СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТРАДИЦИОННОЙ ОДЕЖДЫ ВОЛГО-УРАЛЬСКИХ И КРЫМСКИХ ТАТАР

Вопрос изучался в рамках исследования генезиса традиционных костюмных комплексов волго-уральских татар. Традиционный костюм, как известно, этнологи рассматривают в качестве одного из важнейших источников при изучении этнической истории народа, истории его культуры, внутриэтнических и межэтнических взаимосвязей. Основными источниками явились типологические и картографические материалы «Историко-этнографического атласа татарского народа»¹ и материалы крымско-татарской этнологической экспедиции 2003 г., проведенной сотрудниками отдела этнологии Института истории АН Республики Татарстан (Казань) при финансовой поддержке РГНФ.

Предварительный сравнительно-типологический анализ структурных элементов народного костюма волго-уральских и крымских татар показал следующее. Наибольшее количество аналогий в типах верхней и нижней одежды, головных уборов, обуви, украшений, в золотом шитье и узорном ткачестве содержится в материалах степной субэтнической группы крымских татар, астраханских татар, южной (кузнецко-хвалынской) группы мишарей, некоторых групп волго-уральских кряшен, а также отдельных групп сибирских татар. Это в значительной степени объясняется присутствием общего кипчако-ногайского компонента в этногенезе и этнокультурной истории данных этнокультурных образований.

Ряд аналогий наблюдается в костюме и связанных с ним видах народного декоративно-прикладного искусства крымских татар горно-прибрежной субэтнической группы – привилегированной (городской) части крымско-татарского общества и городских казанских татар. Это не случайно: как показывают источники, в одежде царствующих династий и их городского окружения у разных и тем более однотипных этнических общностей, в частности в средневековых татарских ханствах, имелось много общего.

¹Сулова С.В., Мухамедова Р.Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала. Казань, 2000.

*Таймасов Л.А.
Чебоксары*

НЕРУССКИЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ МОНАСТЫРИ КАЗАНСКОЙ ЕПАРХИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.: ЭТНИЧЕСКАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ ИЛИ КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ УНИФИКАЦИЯ

Православные монастыри – особая веха в истории христианизации нерусских народов Казанского края. В условиях великих реформ второй половины XIX в. и внедрения миссионерско-просветительской системы Н.И.Ильминского в религиозной жизни крещенного нерусского населения наметилось изменение конфессиональной ориентации больших групп населения от традиционных верований к православию. К 1910 г. только на территории Казанской епархии функционировали 12 нерусских монастырей (3 мужских и 9 женских). Возникновение и развитие православно-религиозного движения свидетельствуют не только об изменении вектора конфессиональной ориентации, но и о глубоких преобразованиях мировоззренческого плана.

По нашему мнению, утвердившееся в историографии положение о том, что монастыри стали результатом официальной политики христианизации нерусских народов, не в полной мере отражает особенности этноконфессиональных процессов в рассматриваемую эпоху. Монастырское движение в большей степени явилось отражением модернизации самих этносов. Официальная власть вынуждена была учитывать реалии времени и поддержать тягу народов к образованию, духовному обновлению на христианско-православной основе. Крещенные народы стремились образовать обители по этническому принципу с широким использованием родного языка не только в монастырском быту, но и в школе и в богослужении и создать основу этнической консолидации на православной основе. Анализ действия властей свидетельствует о политике, направленной на русско-православную унификацию нерусских обителей и прямую русификацию монашествующих.

*Трушкова И.Ю.
Киров*

НЕКОТОРЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРАХ ПОМОРЬЯ И СКАНДИНАВИИ

Традиционные культуры Русского Севера и Скандинавии выявляют общие черты в материальной сфере. Это обусловлено не только взаимодействием, но и сходными природными условиями. Материалы этнографических музеев Скандинавии (Стокгольм), на о. Сеурасаари (Хельсинки),

музеев Европейского Севера России, в частности Вятского региона как восточного Поморья, демонстрируют группы сходных явлений. Они наблюдаются в интерьере жилища – подвижной, встроенной мебели: грядки-полки, лавки, люльки. Сопоставимы кухонные шкафы, формы, сырье, техники изготовления утвари, особенно деревянной (плетеной, долбленой).

Шведские и финские традиционные женские костюмы (юбки, кофты, жилеты) по силуэту напоминают костюм крестьянок Поморья, где сарафан с лифом в верхней части фиксирует фигуру, а в нижней – пышно драпируется, дополняется фартуком. Различие (отрезной характер по линии талии в скандинавских образцах и сшивной – в восточно-поморских) объясняется приспособленностью последних к более суровому, континентальному климату. Сходны расцветки материи женской одежды. Подобные финским клетчатым и полосатым ткани на Вятке назывались «пестрядями». Остроносая обувь, вытканые орнаменты на поясах также сопоставимы. Взаимодействия русских и финно-угров отмечались еще Д.К.Зелениным и вызвали дискуссию. Что касается традиционных культур Поморья и Скандинавии, то остроту споров о культурных контактах может снять восприятие сходных черт не только как следствия заимствований, но и как результата адаптации региональных культур к сходным природным условиям и формирования сходных систем жизнеобеспечения.

Уразманова Р.К.
Казань

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В СОВРЕМЕННОЙ СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ ОБРЯДНОСТИ КРЫМСКИХ И ПОВОЛЖСКИХ ТАТАР

Материалы, которые были получены во время экспедиционного выезда в Крым осенью 2003 г., проведенного в рамках исследовательского проекта «Крымские татары: традиционная культура и современные этносоциальные, этнокультурные процессы» при финансовой поддержке РГНФ (код проекта 03-01-18010е), позволили провести сравнительный анализ современной семейно-бытовой обрядности двух тюркских народов – крымских и поволжских татар.

Семейные обряды и праздники не утратили своей этнической специфики и продолжают играть важную роль в сохранении, поддержании этнической идентичности, самосознания татар. Несмотря на общесоветские нововведения – «торжественную регистрацию брака», сопровождаемую единой атрибутикой (одежда новобрачных, кортеж украшенных машин, возложение цветов к памятным местам, шампанское и т.д.), свадебная обрядность крымских татар продолжает сохранять сложную структуру, имеющую опреде-

ленные аналоги с традиционной свадебной обрядностью отдельных групп поволжских татар (мишарей, кряшен, астраханских татар). По мере обустройства быта, роста материального благосостояния возрождаются отдельные обряды и праздники, связанные с рождением детей, такие, как *сюннет той*, *бишек той* и др., давно ушедшие из быта поволжских татар. В похоронно-поминальной обрядности сохраняется приготовление ритуальных блюд – *алва*, *къатлама* – в день погребения покойного, точно так же, как у крещеных татар (кряшен). У других групп поволжских татар эти блюда утратили ритуальное значение.

Проведение семейных обрядов, торжеств крымских татар отличается большой массовостью (до 500 человек и более): приглашаются родственники (даже третье поколение родства считается близким), друзья, соседи, сослуживцы. В годы депортации во время таких событий нередко проходил сбор средств для проведения этнополитических мероприятий.

Все более или менее значимые моменты в свадебном цикле, родильной, похоронно-поминальной обрядности сопровождаются проведением званых обедов, предваряемых чтением сур Корана. Они стали более массовыми, «демонстративными», подчеркивающими своеобразие духовной культуры крымских и поволжских татар как отличной от окружающей «православной» и других культур.

Халиков Н.А.
Казань

ТРАДИЦИОННОЕ ХОЗЯЙСТВО И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ: МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

К рубежу XIX – XX вв. у народов региона (марийцев, мордвы, русских, татар, чувашей) сложился пласт близких этнокультурных явлений, что явилось следствием длительного и чересполосного проживания на общей территории, активных межэтнических контактов. Просматриваются и определенные различия.

Агрокультура народов региона имела много общих черт. Многочисленны параллели в области земледельческой лексики, особенно между марийцами, чувашами и татарами. Для агрокультуры татар, чувашей и марийцев была характерна культура пшеницы-полбы, древнее наследие земледелия волжских булгар. Там же следует искать корни татарско-чувашского плуга-сабана XIX в. Эти и другие факты свидетельствуют о хозяйственно-культурной общности предков современных татар, чувашей, марийцев, в меньшей степени мордвы. В ее основе была болгарская «степная» традиция, распространившаяся на «лесную» агрокультуру финно-угорских народов. Этнокуль-

турное взаимодействие продолжалось и позднее, что видно на примере русского крестьянства, использовавшего «татарский сабан», перенявшего местные земледельческие традиции и, в свою очередь, обогатившего аграрную практику соседей.

В основе сельского зодчества народов Среднего Поволжья также лежит слой общих традиций (техника строительства, типы построек, интерьер). Характерными были архаичные постройки *лась*, *кудо*, *куала*, *алачык*, в языческом прошлом имевшие обрядовое значение, а также белые клетки *пултур*, *палтар*, *утомо*, *ак келэт*, прообраз будущего жилища. Много сходства у народов края, особенно у чувашей и татар, в терминологии зодчества. Прослеживаются и поздние этнокультурные заимствования: двухэтажные клетки чувашей, марийцев к концу XIX в. появляются у татар. Печь у передней стены избы и бани у татар считается следствием мордовско-чувашского влияния, нары-*путмар* в жилище мишарей – мордовской традицией. Многочисленны в зодчестве местного населения русские заимствования (в планировке двора, типах жилища, интерьере).

Шараева Т.И.
Элиста

ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ У ДЕРБЕТОВ КАЛМЫКИИ

В современном калмыковедении особое внимание уделяется изучению локальных групп в составе калмыцкого этноса. Многие исследования культуры и быта калмыков с XVIII по конец XX вв. носили обобщающий характер, упуская из вида субэтнические особенности групп: дербетов, торгутов, хошутов и бузавов.

Субэтническая группа дербет в составе калмыцкого этноса имеет ряд локальных специфических черт в обрядовых комплексах. Она в своем составе, подразделяясь на микрогруппы, формирует локальную культурную группу.

Каждая микрогруппа данного субэтноса имеет свою систему маркеров, которая позволяет четко проследить этноспецифические черты: территория расселения, уран (боевой клич; указание на тотем рода, перечисление его достоинств); тамга (клеймо), «им» (метка) на домашних животных; родовые божества; родовая легенда, которая включает данные об истории возникновения микрогруппы, ее самоназвании и предания о происхождении определенных обычаев и обрядов; «Қлғи» (цвета рода, знаковая функция которых проявляется в свадебной обрядности калмыков) и т.д.

Изучение обрядов жизненного цикла дербетов – родильного, свадебного и похоронно-поминального, неразрывно связанных с природно-хозяйственным циклом и общественной жизнью, –

позволяет более полно рассмотреть как локальные, так и общие для данной группы черты, отличающиеся от единой этнической модели.

Многие элементы обрядовых комплексов дербетов и маркеры родов, проявив удивительную жизнестойкость, пережили периоды ассимиляционных процессов, репрессий и депортации и сохранились в бытовой и обрядовых сферах. Несмотря на то, что произошло частичное замещение некоторых элементов обрядовых комплексов, общие характерные черты четко прослеживаются.

В настоящее время нами разрабатывается план по проведению мониторинга локальных групп и их особенностей у калмыков, что позволит дополнить имеющийся материал по дербетам Калмыкии.

Щербаков А.С.
Уфа

МОРДОВСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ БАШКИРСКОГО ПРИУРАЛЬЯ: ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СУБЭТНИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

В населении современного Башкортостана представлены практически все народы, проживающие в Урало-Поволжье. К их числу относится и мордва. Первые мордовские переселенцы появились в этом регионе во второй половине XVII в. Основное время формирования этнотерриториальной группы мордвы Башкортостана пришлось на вторую половину XIX – начало XX вв. Она сложилась в результате переселения мордвы с исторической территории формирования, располагавшейся в тот период на землях Пензенской, Нижегородской, Тамбовской и Симбирской губерний. По субэтническому составу среди приуральской мордвы всегда преобладала эрзя.

Расселение мордвы на территории Башкирского Приуралья с самого начала отличалось неравномерностью и дисперсностью. Сформировавшиеся ареалы расселения во многих случаях располагались довольно далеко друг от друга и практически всегда в преобладающем иноэтническом окружении. Это обусловило активные межэтнические контакты приуральской мордвы с остальными народами края практически во всех сферах. Наиболее частыми партнерами в таких контактах выступали русские, а также чуваша, татары (в том числе кряшены) и в ряде случаев башкиры.

Следствием отмеченных особенностей расселения и взаимодействий стали изменения этнического самосознания и субэтнической самоидентификации. Так, в XIX в. в западных районах современного Башкортостана сложилась локальная группа приуральской мордвы, именуемая себя «мурза» (варианты: «морза», «морзя»).

В докладе рассматриваются точки зрения на происхождение названия данной группы, локализация ее в Башкортостане, особенности этноязыкового поведения и самосознания.

Шрадер Т.А.
Санкт-Петербург

СКАНДИНАВСКИЕ КОЛОНИСТЫ В РОССИИ (XIX в.)

В XIX в. в России проживало значительное количество колонистов – переселенцев из различных стран Европы и Азии, в том числе шведские и норвежские колонисты. Как и другие представители этносов на территории России, скандинавские колонисты создавали свои немногочисленные по количеству этнокультурные очаги среди чуждого для них окружения. История поселения и этносоциальные условия шведских и норвежских колонистов были различны. Шведские крестьяне переселились с острова Дагё, расположенного у побережья Эстляндии в конце XVIII в. Норвежцы, преимущественно рыбаки, образовали поселения на Кольском полуострове в середине XIX в. По российскому законодательству, все они были причислены к разряду крестьян и приняли российское подданство. Условия жизни скандинавских колонистов были различны, но в социальном и экономическом отношении они находились на более высокой ступени развития, чем окружающее их коренное население. В 1930-е гг., в период коллективизации в СССР, значительная часть шведских крестьян выехала в Швецию. Оставшиеся создавали колхозы. В настоящее время в Украине проживает незначительная часть потомков шведов колонистов.

Норвежские колонисты после 1917 г. в основной массе возвратились в Норвегию. Оставшиеся бывшие колонисты создавали рыболовецкие колхозы, но в 1930-е гг. были переселены в другие районы СССР. На протяжении десятилетий жизни в России скандинавские колонисты сохраняли уклад жизни, вероисповедание, язык, вели обособленный от окружающих этносов образ жизни.

Задачей представленной работы является отражение общего и различного в этнокультурной и социальной жизни представителей двух народов Скандинавии.

Ягафова Е.А.
Самара

ИСЛАМИЗАЦИЯ ЧУВАШЕЙ В УРАЛО-ПОВОЛЖЬЕ В XVIII–XX вв.

*Исследование проведено при поддержке гранта
РГНФ (№ 04-01-00479а)*

Исламизация чувашей в Урало-Поволжье в XVIII–XX вв. охватила районы совместного проживания чувашей с татарами и/или башкирами в Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской и Уфимской губерниях. Причиной этого явились территориальное соседство, экономические связи,

социокультурная близость, межэтнические браки, активная пропаганда ислама на фоне мировоззренческого кризиса «чувашского язычества».

Переход в мусульманство приводил к изменениям не только конфессиональной принадлежности чувашей, но и этнических характеристик: языка, одежды, обрядности, а в конечном итоге, самосознания, т.е. к этнической ассимиляции, или «отатариванию».

Характер и темпы исламизации чувашей различались по этапам. В XVIII в. процесс имел единичный и эпизодический характер и охватывал ограниченные районы (в основном Присвияжье и Западную Башкирию) и определенные социальные группы (например, чувашей в составе тептярей). «Пики» перехода чувашей в ислам в XIX в. приходится на 60-е и 80–90-е гг.; процесс распространился также на обширную территорию Саратовского и Симбирского правобережья, Закамье, Заволжье и Приуралье, т.е. охватил все основные зоны проживания чувашей в Урало-Поволжье. Дополнительным стимулом исламизации стали Манифесты (17 апреля и 17 октября 1905 г.), легализовавшие переход в ислам для фактически исповедовавших эту веру чувашей-«язычников» и вызвавшие волну «отступничества» среди крещенных в 33 селениях. Наиболее активно «омусульманивание» шло в Самарском Заволжье, Западной и Центральной Башкирии. Православная церковь оказывала заметное противодействие распространению ислама среди чувашей, но не могла остановить его.

Начиная с 20-х гг. XX в. темпы исламизации замедлились под влиянием социально-политических факторов, прежде всего атеистической пропаганды, резко уменьшивших роль религии в общественных процессах. Судьба чувашей-мусульман и их потомства определялась отныне эффективностью результатов исламизации на предыдущих этапах. Различия в условиях и глубине внедрения мусульманских элементов в культуру чувашей обусловили формирование разных по степени исламизации и «отатаривания» групп чувашей-мусульман.

Якупов Р.И.
Уфа

ЛОКАЛЬНЫЕ ОБЩНОСТИ КАК ОБЪЕКТ ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Теоретическая мысль в отечественной этнографии (этнологии) имеет весьма значительные достижения, несмотря на то, что она развивалась под непосредственным влиянием единственной идеологической парадигмы. Большая часть теоретических построений наших ученых опирается на эмпирические наблюдения традиционной (в доиндустриальных обществах) культуры этноса, а также касается наиболее крупных объектов (по Ю.В.Бромлею – этнос, этникос, ЭСО, этног-

рафические и этнические группы).

Переход к индустриальному и постиндустриальным состояниям, размывание и утрата «традиционности» в культуре этих объектов, с одной стороны, и отказ от единственной (историко-материалистической) методологии – с другой, а также активное использование достижений зарубежных этнологических школ заставляют российских этнологов пересматривать основные положения отечественной общей теории этноса.

Этот процесс развивается достаточно сложно и вызывает острые дискуссии. При этом объект исследования – этнос – в логических и теоретических построениях становится все более абстрактным, а системы аргументации – все менее конкретными. Нам представляется, что дальнейшее развитие теоретической мысли в этнологии должно сопровождаться расширением объекта исследования, а понимание этноса и механизмов его функционирования лучше рассматривать на примере локальных и маргинальных этнических единиц.

*Ярская-Смирнова Е.Р.
Саратов*

КОНЦЕПЦИЯ «ВНУТРЕННЕГО ЗНАНИЯ» В АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРОФЕССИЙ

В исследовании повседневности профессий и организаций герменевтическая традиция, сложившаяся в 1960-х гг. благодаря исследованиям И.Гофмана и М.Поланьи, обращается к стихийно развивающемуся человеческому опыту, который формируется в виде повседневного знания. Открытие такого знания продемонстрировало огромное пространство неопределенностей, в том числе в профессиях и организациях, складывающееся автономно от административных регламентаций. Отечественные социологи, этнографы и социальные антропологи обнаруживают неявные правила, фоновые знания, повседневные ритуальные практики, способы рефлексии и самоидентификации различных профессиональных и квазипрофессиональных групп: журналистов, медиков и учителей, художников, геологов, актеров, магов.

В последние годы интерес к *tacit knowledge* среди исследователей организаций необычайно высок, что связано со стремлением совладать с этой растущей неопределенностью. Первоначальная идея о необходимости «вчувствования» и понимания индивидуальных особенностей работников приобрела формы менеджерской борьбы с неопределенностью, вызываемой разными перспективами, множественными смыслами и сложно организованными жизненными мирами повседневных деятелей, групп, организаций.

Традиционная власть профессионального знания придает больший вес исследователю в сравнении с практиком или практику в сравнении с клиентом. Любая профессия в классическом понимании предполагает монополию и привилегированность специализированного знания, тем самым все остальные виды знания полагаются более «низкими», «приземленными», по сравнению с «высоким» знанием эксперта-профи. Исследования «внутреннего знания» профессий вносят важный социальный вклад в деконструкцию тех социальных иерархий, которые создаются и воспроизводятся в обществе благодаря неравному доступу к информации и владению знанием.

*Яхонтов В.В.
Казань*

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА

Поселения оседлых народов Поволжья и Урала в своем историческом развитии прошли следующие этапы: отдельная усадьба – группа (гнездо) усадеб родственников, соплеменников – деревня в виде соседской сельской общины.

Постоянному населенному пункту предшествовали *починок*, *заимка*, *хутор* и т.п., создаваемые на свободном участке с целью его хозяйственного освоения. Если названия *заимка*, *починок* восходят к славянским языкам, то название *хутор* возникло у степных полуоседлых кочевников: татар, башкир, казахов, киргизов и др. (*утар*, *отор* – усадьба, открытый скотный двор, загородка для скота, животноводческие постройки). По мере разрастания *заимки*, *хутора* вследствие роста семьи или появления пришлого населения возникает *деревня*, при благоприятных условиях впоследствии достигающая размеров в десятки и сотни дворов.

Селения имели гнездовую, кучевую, линейную, уличную, квартальную планировку. Старинные деревни в крае отличала гнездовая планировка. Обычно такая деревня состояла из групп – гнезд усадеб родственников (патронимий), разделенных выгонами, огородами, гумнами. С увеличением числа дворов планировка приобретала кучевой характер: промежутки между гнездами застраивались, но сохранялось деление на группы населения, объединенного родственными, племенными или сословными признаками. Линейную или рядную планировку в Поволжье и на Урале также можно считать древней. Так застраивались, например, селища болгар, расположенные вдоль рек. Линейная уличная планировка была характерна для притрактовых и приречных поселений. Наиболее крупные населенные пункты имели улично-квартальную планировку.

IV.3. РУССКИЕ ЭТНОДИАЛЕКТЫ

Руководитель Морозов И.А.

**Дынин В.И.
Воронеж**

**ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ТРАДИЦИОННО-БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНО-
РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОРОНЕЖСКОГО
КРАЯ XIX–XX вв.**

Население Воронежского края формировалось в результате сложных миграционных процессов, происходивших на протяжении нескольких столетий, начиная с XVI в. В составе южно-русского населения Воронежского края в прошлом выделялось множество территориальных, сословных, конфессиональных и иных этнокультурных групп (цуканы, однодворцы, талагаи, щекуны, ягуны, старoverы, хлысты и другие).

Часть населения не была в прошлом достаточно тесно связана с земледелием (например, бывшие однодворцы – служилые люди), в результате чего крестьянский аграрный цикл представлен в данной традиции в редуцированном виде. Вследствие довольно значительной редукции ритуально-магических действий в сознании крестьянства сформировалась иная система верований, связанных с потусторонними нечистыми силами; на их основе широкое распространение получил жанр былички.

В XIX–XX вв. постепенно происходила культурная консолидация различных групп населения, исчезали определявшие их самоназвания и прозвища. Современная традиционно-бытовая культура южно-русского сельского населения Воронежского края ассимилировала разнообразные элементы традиций различных (в прошлом) групп местного и пришлого населения и обладает многоуровневой организацией.

**Иванова А.А.
Москва**

**ФОЛЬКЛОРНО-РЕЧЕВЫЕ ФОРМЫ
ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ:
К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОДИАЛЕКТОВ**

Однородность и стабильность этнического общества играют важнейшую роль в сохранении, ретрансляции и воспроизводстве культуры. Этносообщество традиционного сельского типа было сложно стратифицировано. Каждый из стратов – семья, род, сельская община (соответственно и типы их расселения, организации жизнедеятельности в пространстве: окол, деревня, куст деревень) – играл свою роль в закреплении в памяти, быту и ритуальной практике традиционных мировоззренческих, поведенческих и культурных стереотипов. Последние передавались посредством разнообразных речевых (коллективные

прозвища) и фольклорных форм (присловья, предания, бывальщины, анекдоты, частушки и песни, созданные на основе коллективных прозвищ, – «прозвищный фольклор», по терминологии Н.В.Дранниковой).

Поскольку осознание этнической особенности (внешность, характер, диалект, род занятий и проч.) возникает в условиях оппозиционирования «соседям» по принципу свое/чужое, указанные фольклорно-речевые формы не только выполняют этнодифференцирующую и этноинтегрирующую функции, но и очерчивают границы этнокультурных диалектов с точки зрения самих носителей культурной традиции. В связи с тем, что границы этнодиалектов постоянно меняются (особенно сейчас, в условиях процесса глобализации), для исследователя, специализирующегося в области культурной ареологии, «прозвищный фольклор» является надежным источником получения информации для составления синхронных и диахронных этнокультурных карт.

**Кожоляко Я.И.
Саскатун, Канада**

**СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ РУССКОЙ
КУЛЬТУРЫ В КОНЦЕ XX в.
В КАНАДЕ ВЫХОДЦАМИ ИЗ РОССИИ**

В Канаде конец XX в. характеризуется появлением новых форм сохранения традиционной культуры выходцами из России. Канадцы русского происхождения как представители мультикультурного общества страны активно участвуют в культурно-общественной жизни своей новой родины. К таким формам выражения идентичности своего национального происхождения принадлежат фестивали народного искусства (Folkfest) и рождественские колядки (Christmas Carols).

По результатам этнографических исследований, проведенных в Канаде в конце 80-х гг. XX в. – начале XX в., канадцы русского происхождения являются частью общественных и отчасти поддерживаемых государством программ по сохранению широкой общественности с богатыми источниками русской традиционной культуры, такими, как традиционная кухня, выпечка хлеба, одежда, общественный уклад и хозяйственная деятельность, хоровое искусство, сказки и былины.

В докладе обращается внимание на то, что, несмотря на активность культурной жизни канадцев русского происхождения в деле сохранения традиционной культуры, наблюдается процесс снижения заинтересованности младшего поколения в отмеченных выше видах деятельности, а это, в свою очередь, связано со снижением уров-

ня употребления русского языка как языка общения – живого звена национальной культуры.

*Матлин М.Г.
Ульяновск*

**СОВРЕМЕННЫЙ СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД НА
ТЕРРИТОРИИ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ:
«ПОИСКИ ПРОПАВШЕГО ЖИВОТНОГО»**

В докладе рассматриваются этнолокальные варианты обряда второго дня свадьбы «Поиски пропавшего животного», который на территории Ульяновской области носит название «Поиски ярки». Этот обряд получил повсеместное распространение как в сельской, так в городской местности, как среди этнически однородных (оба супруга русской национальности, оба супруга мордовской национальности, оба супруга чувашской национальности), так и в смешанных браках (один из супругов русской национальности, другой – чувашской или мордовской).

Обряд характеризуется относительно стабильным набором персонажей, действий, используемых предметов. Яркая театральность, импровизационность, исполнение частушек смехоэротического содержания делают этот обряд одним из любимых и популярных бытовых праздников, своеобразным современным «русским карнавалом».

*Морозов И.А.
Москва*

**РУССКИЕ ЭТНОДИАЛЕКТЫ:
ПРОБЛЕМЫ ДЕФИНИЦИИ, КЛАССИФИКАЦИИ,
ОПИСАНИЯ**

*Исследование проведено при поддержке гранта
РГНФ № 04-01-00267а*

В последние десятилетия в связи с интенсификацией полевых этнографических исследований на уровне небольших административных единиц для этнографии русских становится особенно актуальной разработка методов комплексного изучения и описания локальных этнокультурных общностей (русских этнодиалектов). Для успешного решения этой проблемы важно определить, какие элементы культуры и языка являются определяющими при выявлении специфики данного этнодиалекта и его связей с другими этнокультурными общностями на общерусском культурно-языковом пространстве.

Этнодиалектные исследования позволяют сосредоточиться на культурно-языковой специфике малых регионов (района, местности, сельсовета), социальных и этноконфессиональных групп, исследовать механизмы вариативности и взаимных переходов между разными этнокультурными типами и формированием на их основе региональных и общерусских форм. Данный подход отражает тенденцию обращения современных исследователей к проблеме специфичности

и индивидуальности культурно-языковых норм на уровне как территориальных (селение, приход, волость), так и этносоциальных (семья, профессиональные и половозрастные объединения) микрогрупп и связи этих явлений с конкретными культурно-историческими процессами.

В докладе изложена разрабатываемая автором концепция этнодиалектных исследований, предложены дефиниция понятия «этнодиалект» и обоснование возможностей его применения в рамках этнографических и этнокультурных штудий, а также рассмотрены основные принципы классификации русских этнодиалектов, их классификационные отличительные признаки.

*Новак В.С.
Гомель,*

**ЛОКАЛЬНОЕ, РЕГИОНАЛЬНОЕ,
ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЕ В КАЛЕНДАРНО-
ОБРЯДОВОМ ФОЛЬКЛОРЕ ГОМЕЛЬЩИНЫ**

В предлагаемом докладе рассматривается регионально-локальная специфика календарно-обрядовой поэзии на территории Гомельщины – региона взаимодействия трех восточно-славянских этносов.

Осмысление историко-теоретических аспектов локально-регионального изучения фольклора позволяет обосновать концепцию формирования категорий «национальное – региональное – локальное», которые соотносятся как явления разных уровней, но объединяются совокупностью местных факторов, что цементирует основы бытования и репродукции традиций, создает условия формирования этнического, общенационального.

Локальные жанровые формы зимней и весенней календарно-обрядовой поэзии, которая хорошо сохранилась в памяти жителей Гомельщины, являются ярким доказательством диалектики соотношения категорий «национальное – региональное – локальное» как соотношения частей и целого, причем части (локальное, региональное) имеют общий стержень и особенности, которые обогащают общую традицию, придавая ей неповторимый национальный колорит.

Своеобразие художественной системы локальных традиций особенно выразительно демонстрируют обрядовые явления, которые в фольклоре Восточного Полесья являются регионально специфическими. Это касается аутентичных обрядов «вожделения стрелы» и «вожделения русалки», представленных в разных районах Гомельщины во многих вариантах и отличающихся оригинальностью структуры, разнообразной семантикой действий и предметной атрибутики, богатством вербального сопровождения.

Оценка и характеристика фольклорно-этнографических явлений, с точки зрения самих информаторов, являются ценной информацией в плане изучения народного календаря. Индивидуально-творческие возможности информаторов – важное условие продуктивной жизни и репродукции фольклорных произведений. Исследование процесса локально-региональной трансформации

общеэтнического на материале наиболее распространенных на Гомельщине календарно-обрядовых явлений позволяет более глубоко изучить современное состояние традиционной культуры.

*Пригарин А.А.
Одесса*

ЛИПОВАНЕ В ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ РУССКОГО НАРОДА

В докладе на основе оригинальных археографических и этнографических материалов характеризуются признаки этничности русских-старобрядцев (липован). В настоящее время к ним причисляется более 100 тыс. человек в селах и городах приграничья Украины, Молдовы, Румынии и Болгарии, а также Российской Федерации, Италии, США и др. стран. Показаны и анализируются сложные процессы формирования группы в районах основного современного расселения (Добруджа, Буковина, Бессарабия) на протяжении XVIII–XIX вв. Выявлено, что в процессах этногенеза участвовали приверженцы «дониконновской» веры, отделившиеся в свое время от основного этнического массива. Определяется специфика разных ареальных и социокультурных вариантов этих процессов.

Параллельное действие этнических и конфессиональных факторов не только предопределило историю группы, но и обусловило самобытность культурно-бытовых традиций. Примечательно, что эти две группы факторов взаимодополняли и даже взаимозаменяли друг друга. В докладе рассматриваются проблемы специфичности культуры липован как в общерусском контексте, так и в сравнении с другими народами региона.

Особое внимание уделено феномену идентичности группы. В основе разных его уровней – реликты прошлого, самобытность религиозного мировоззрения, пограничное положение группы и т.д.

Особенности исторического развития, яркие типологические признаки культуры и специфичность самосознания позволяют аргументированно показать место липован в схеме субэтнических и этнографических общностей русских, что особенно важно, поскольку липоване пока не отражены среди аналогичных таксонометрических групп.

*Чередникова М.П.
Ульяновск*

ЛОКАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ ВЕСЕННИХ ОБРЯДОВЫХ ПОХОРОН НА ТЕРРИТОРИИ УЛЬЯНОВСКОГО ПРИСУРЬЯ

В селах Инзенского и Сурского районов Ульяновской области в середине прошлого века был распространен ритуал похорон антропоморфного персонажа на Троицкой неделе (в одних местах обряд приурочен к Троице, в других – он совершается в Духов день, в третьих – на заговенье после Троицы). При общности структуры обря-

да и его приуроченности к одному времени (Троицкая неделя) в разных селах варьируются наименования обрядового персонажа («Шут», «Шутик», «Андрюша», «Ярило»), технология его изготовления, возрастной состав участников обряда, место его проведения и формы ритуальных «проводов» («похорон»).

Поливариантность ритуалов позволяет говорить, с одной стороны, об устойчивости троико-русальской традиции в ареале Ульяновского Присурья, а с другой – о локальной типологии соответствующих обрядовых форм.

*Чернышов С.В.
Брянск*

ВАРИАТИВНОСТЬ КУЛЬТУРЫ БРЯНЩИНЫ

В процессе формирования современной культуры можно отметить две тенденции. Во-первых, прослеживаются универсализация, стирание граней между локальными образцами материальной культуры. В качестве локально или регионально презентативных часто изучаются образцы, выполненные в единственном экземпляре. Во-вторых, наблюдается рост интереса к их национальным особенностям.

Данные явления отмечаются и при изучении культуры Брянщины. Брянская область граничит с Гомельской и Могилевской областями Белоруссии на западе, Черниговской и Сумской областями Украины на юге, Курской и Орловской областями на востоке, Смоленской и Калужской областями на севере. Это во многом обусловило специфику и характер народной культуры данного региона и, в частности, образцов народного зодчества, создававшихся здесь на основе взаимовлияний народных традиций разных этнотерриторий. Вместе с тем этнокультурные особенности, хотя и в трансформированном виде, сохранились в духовной и материальной культуре жителей области до XIX–XX вв.

Современные жилища отличаются разнообразием форм. По мотивам орнамента, присутствующего в украшении наличника, Брянщину можно условно разделить на три зоны: южную – с господством геометрических и растительных мотивов; северо-восточную – с преобладанием антропоморфных, зооморфных, растительных и сложных геометрических орнаментов; западную – с характерными для нее сложной по исполнению геометрической резьбой и зооморфными и растительными мифологическими мотивами. В орнаменте наличника можно обнаружить элементы древнейшей охранительной символики. Смысловое значение символов давно утрачено, и присутствие их в орнаменте объясняется только традицией.

IV.4. ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ; БАЙКАЛЬСКИЙ РЕГИОН КАК РЕГИОН УСТОЙЧИВОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Руководители С.В.Березницкий, Л.В.Кальмина

*Shiro Sasaki
Osaka, Japan*

INTER-ETHNIC RELATION BETWEEN THE PEOPLES IN SAKHALIN IN THE XIXth CENTURY

The ethnic relation in Sakhalin was largely dependent on the international relation between Russia, China, and Japan. The ancestors of the indigenous minorities, the Nivkhi, Uilta, and Ainu, had complicated inter-ethnic relations that were influenced by the political and economic relations between surrounding countries even before the establishment of the diplomatic relation between Russia, Japan, and China. In this paper I want to clarify the process of their inter-ethnic relations, synchronizing with the change of the international relation.

*Carlo Krieger
Moscow*

CULTURE CHANGE: INFLUENCING MI'KMAQ RELIGION AND SOCIETY

In my presentation I propose to look at specific actions by missionaries which will allow me to illustrate the influence the catholic church exercised upon the Mi'kmaq (an indigenous people of Atlantic Canada) living in one precise part of Nova Scotia, Canada, the Tracadie area, at Pomquet and Afton; at a specific time, the late 1850s and early 1860s. Detailed original descriptions of the events by Father Christian Kauder, a catholic priest of Luxembourg origin, reveal the actions he took to strengthen the position of his religion among the Micmac. Also he made numerous demarches in favor of the Mi'kmaq, thus trying to assume an intermediary role. Such ethnographic data serves as basis for a wider interpretation of the ongoing changes in Mi'kmaq culture at that time. His testimony subsequently ties into a more general debate about the relationship between religion and culture.

*Аргудяева Ю.В.
Владивосток*

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ КУЛЬТУР РУССКИХ И КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В Дальневосточном регионе, помимо аборигенов тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов, издавна проживают пришлые – славянские и восточно-азиатские народы. Начало освоения русскими служилыми людьми и крестьянами Приамурья относится к XVII в., но особенно интенсивное развитие начинается с середины XIX в. после воссоединения Приамурья и Приморья с Россией. Взаимовлияние культур русских и коренных

народов юга Дальнего Востока осуществлялось преимущественно в хозяйственной деятельности, торгово-обменных операциях, материальной культуре и других сферах жизнеобеспечения. Русские восприняли от коренных народов особенности орудий рыболовного и охотничьего промыслов, некоторые транспортные средства: ручную охотничью нарту, камусные лыжи, лодки-плоскодонки и др. Коренные народы переняли от русского населения земледельческий опыт (преимущественно огородничество), некоторые орудия и приемы охоты и рыболовства, транспортные средства (лошадь, более совершенную собачью упряжку), способы строительства и обустройства срубного жилища, повседневную одежду. Под влиянием русских произошли определенные изменения в социальной организации. Размыванию норм обычного права, развитию культурного уровня (организации миссионерских школ с преподаванием на русском языке, христианизации населения) и семейно-брачных отношений во многом способствовала православная церковь. Многообразные контакты аборигенных народов с русскими обогатили и развили как традиции, так и новации в их хозяйственной деятельности и отчасти духовной культуре.

*Бадмаева Л.В.
Улан-Удэ*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНО- КОНСОЛИДАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В БУРЯТИИ

Бурятия – регион с выраженной этнической гетерогенностью. В рамках тематики экспедиционного проекта «Межнационально-консолидационные процессы в Бурятии: современное состояние, динамика и перспективы развития» нами был проведен пилотный опрос населения Республики Бурятия. Результаты опроса показали, что в целом, несмотря на усиливающиеся тенденции межэтнических разногласий и противоречий, наблюдаемых в стране, региональной власти в Бурятии удается сохранять устойчивость межнациональных отношений и этническую толерантность населения. Однако это отнюдь не означает межэтнического единодушия. Как показали результаты исследования, существует ряд латентных факторов, свидетельствующих об этнической интолерантности некоторых социальных групп населения Республики Бурятия и росте национального самосознания и самоидентификации бурятского народа.

Административное разделение Бурят-Монголии в 1937 г. на три территории проживания (буряты внутри автономии с проживанием на территории БМ АССР; буряты вне автономии – Агинский бурятский национальный округ в Читинской области, Усть-Ордынский бурятский на-

циональный округ в Иркутской области) получило у респондентов разной национальности неоднозначную оценку. Буряты в большинстве своем считают, что это разделение принесло больше отрицательного, чем положительного. Русские, наоборот, убеждены, что разделение положительно сказалось на народах, населяющих эти субъекты Федерации. Опрос показал, что национальное самосознание представителей разных этносов, населяющих Бурятию, также различается. Большинство опрошенных бурят на вопрос «Кем Вы себя осознаете?» ответили только «бурятом». У русских же не проявляется столь ярко выраженное национальное самосознание. Встречаются даже русские (правда, их ничтожно мало), осознающие себя бурятами.

Результаты опроса нельзя назвать обобщающими и усредняющими. Эти данные высвечивают лишь некоторые аспекты заявленной проблемы. В дальнейшем мы планируем продолжение исследований по данной тематике.

*Балдано М.Н., Митупов К.Б.-М.
Улан-Удэ*

РУССКО-БУРЯТСКИЕ КОНТАКТЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ: ХАРАКТЕР КОММУНИКАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ

История русско-бурятских отношений охватывает сравнительно небольшой временной отрезок – около трех с половиной столетий, с середины XVII в. до наших дней. Однако семантическая фабула эпопеи берет свое начало задолго до первых контактов и присоединения Байкальского региона к России. Ее истоки – в культуре этносов, продуцирующей первые программы межэтнической коммуникации. Анализ бурятской культуры позволяет выделить два основных присущих ей типа коммуникационных программ: традиционалистский и утилитарный. Ведущие коммуникационные стратегии русской культуры можно эксплицировать как программы утилитарного и ассимиляционного типов. Каждая из названных программ располагает определенным набором коммуникационных стратегий, реализуя которые этносы конструируют свое и общее историческое бытие.

*Березницкий С.В.
Владивосток*

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Проблемы этнокультурных взаимодействий народов Дальнего Востока выявляются на нескольких уровнях: в местной этнической среде, контакты с переселенческими славянскими этносами и соседними цивилизациями. Этнокультурное взаимодействие происходит постоянно, с разной степенью интенсивности в различных сферах духовной культуры, что зависит от экономических, политических, этнических, культурных причин, менталитета и адаптационного опыта этноса. Этнокультурные взаимодействия можно

исследовать в области мифологии, фольклора и мировоззрения, шаманства, этнической картины мира, промысловых культурах, праздниках народов Севера, трансформации этнокультурных комплексов их духовной культуры в условиях глобальных изменений современного мира. В XX в. коренные народы под воздействием иноэтнической культуры впитали в себя многие ее элементы, ими пройден определенный исторический этап, который требует осмысления. В последние годы заимствованные формы, связанные с социалистической обрядностью, быстро исчезли из их культуры. В настоящее время коренные народы переживают период сложных культурных изменений, поэтому необходимо сравнить самобытные и заимствованные культурные элементы, показать автохтонные и универсальные сюжеты, современное состояние культурных институтов, изучить процесс поиска коренными народами новых общественных и личностных ценностей, новых форм верований и культов для более эффективного межэтнического и межкультурного диалога в дальневосточном регионе и для решения проблемы сохранения целостности Российской Федерации.

*Бураева О.В.
Улан-Удэ*

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭТНОСОВ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Три с половиной века межэтнического общения привели к высокой степени культурного взаимовлияния и интеграции народов Байкальского региона. За это время накоплен большой исторический опыт сотрудничества народов, сформировался общий пласт культуры, который, в свою очередь, выступает сегодня фактором межэтнической стабильности в регионе. В 2003–2004 гг. этнологами института проводилось этносоциологическое исследование проблемы межкультурного взаимодействия в Иркутской области, Агинском бурятском автономном округе, Республике Бурятия. Было проинтервьюировано 360 человек, проанализировано влияние национальности на климат в рабочих и учебных коллективах. Мононациональные коллективы наблюдались только у 17% русских, 20% бурят и 11% эвенков. При выяснении отношения к межнациональным бракам 15% русских, 11% бурят, 5% эвенков и 5% лиц других национальностей ответили, что считают такой брак нежелательным. Значительное количество опрошенных дало положительную оценку таким бракам. Поскольку известным показателем распространенности смешанного в национальном происхождении людей является национальность родителей респондента, а показателем распространенности межэтнических браков – национальность мужа/жены, мы подробно проанализировали этот вопрос. У 93% русских респондентов мать и у 87% отец – русские; у 94% бурятских респондентов мать и у 95% отец – буряты. У 62% русских, 60% бурят, 42% эвенков муж/жена одной с ними национальности. Особо следует остановиться на проблеме языка. 60% всех респондентов научились говорить сначала на русском языке. Из русских респондентов 96% лучше владеют русским, а 4% – русским и бурятским.

ким языками; 24% бурят лучше владеют бурятским, 27% – русским, 49% – русским и бурятским языками; 79% эвенков лучше владеют русским языком. Тем не менее 98% русских, 96% бурят и 98.5% эвенков ответили, что ощущают себя соответственно русскими, бурятами и эвенками.

Анализ различных аспектов межкультурного взаимодействия этносов региона показал взаимозависимость и взаимообусловленность многих из них. В настоящее время у народов наблюдается как культурное взаимопроникновение, так и унификация культурной среды. В то же время за последние пятнадцать лет отмечается возросший интерес к своим традициям и обрядам, особенно в молодежной среде.

*Дугарова Р.Д.
Улан-Удэ*

**«ЧТО ЖЕ БУДЕТ С РОДИНОЙ И С НАМИ?» –
МОЛОДЫЕ БУРЯТЫ ОТВЕЧАЮТ НА ВОПРОС:
«ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ НЕРУССКИМ В РОССИИ?»**

В августе–сентябре 2004 г. в Улан-Удэ нами был проведен опрос среди молодых людей в возрасте от 17 до 30 лет с целью выяснения, как молодое поколение бурят видит себя в пространстве «большой России». На вопрос «Легко ли быть нерусским в России?» 98% опрошенных ответили отрицательно. Среди объяснений чаще всего встречались упоминания о скинхедах, причем многие отмечали, что «им потворствует государство». Очевидно, на содержание ответов повлиял факт избиения скинхедами бурятских спортсменов – членов сборной России по стрельбе из лука в Орле. Преступники так и не были задержаны.

Некоторые говорили, что в Бурятии положение «более-менее нормальное», а «в центральных регионах, наверное, нелегко». Тем не менее большинство респондентов признались, что «не стали бы с проблемами». 90% считают себя патриотами России.

Оживленные дискуссии об «особенностях национальной политики» разворачиваются на форуме сайта бурятского народа www.buryatia.org. Отмечаются следующие факторы, влияющие на рост ксенофобии и расизма. В предвыборном телевизионном ролике партии власти «Единая Россия» не было показано ни одного неевропейского лица. На телевидении нет ни одной постоянной программы, которая знакомила бы зрителей с культурами народов России, в то же время в юмористических программах эксплуатируются карикатурные образы представителей различных национальностей. Таким образом, политическая корректность остается абстрактной идеей в России.

*Кальмина Л.В.
Улан-Удэ*

ЕВРЕИ В ЗАБАЙКАЛЬЕ В ИНОЯЗЫЧНОМ ОКРУЖЕНИИ: ИДЕАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ?

Несмотря на жесткие правовые ограничения, которые накладывались на евреев Сибири до 1917 г., здесь им жилось намного вольготнее, чем в черте еврейской оседлости. Будучи носителя-

ми капиталистического духа, в которых нуждался регион, они быстро заняли свободные ниши в экономике края, не вызывая раздражения местного населения. Однако в периоды социальной нестабильности попытки направить всеобщее недовольство в «еврейское» русло были отмечены и в Сибири, а погромы как апофеоз ксенофобии произошли почти во всех крупных сибирских городах, кроме забайкальских. На наш взгляд, объективная причина забайкальской толерантности кроется, прежде всего, в геополитической роли региона. В Забайкалье, находящемся на «стыке» западной и восточной культур, православной и буддийской церковью, столетиями формировалась «привычка» к разным конфессиям и этносам. К числу субъективных факторов относится, во-первых, материальная состоятельность забайкальских евреев. Их деятельность в ряде случаев (Чита, Баргузин, в значительной степени Верхнеудинск) была основным источником пополнения городских бюджетов. Во-вторых, евреи сумели органично вписаться в чужую культуру, в совершенстве овладев языком того народа (русские, буряты), среди которого жили, но при этом не утратили национального самосознания. Их умение адаптироваться к местным условиям при сохранении национального «лица» можно считать идеальной моделью взаимоотношений национального меньшинства с доминантной нацией.

*Мельникова Т.В.
Хабаровск*

**К ВОПРОСУ О КОСТОМЕ
ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ У НАНАЙЦЕВ**

В XVII в. маньчжурские чиновники ввели у нанайцев Амура практику должностных лиц с ношением специального костюма для старшин родов, отдельных стойбищ, старшин нескольких стойбищ (сельских старост) с головным убором виде плоской шляпы с узкими полями, с круглым красно-коричневым знаком старшины. У нанайцев ст. Джармя на реке Тунгуска бытовала шапка темного цвета с красной шишкой и двумя перьями фазана. Плечевая одежда в составе костюма нанайского старшины родов представлена шелковой одеждой. Цинское правительство за уплату дани ежегодно выдавало в виде подарка маньчжурский шелковый костюм с драконами, который получил название *халада*. В коллекциях Дальневосточного художественного музея представлена разновидность такой одежды – халат *галяда*, сшитый из рыбьей кожи, с удвоенной левой полкой. Особенности покроя, орнаментации и название говорят, что халат является одеждой нанайского родового старшины халада. Галяда – или ошибочная запись должности владельца и его одежды, или диалектный вариант низовских нанайцев; также называлась ульчская женская безрукавка из парчи. Розовая и голубая роспись халата выполнена в китайском стиле и воспроизводит заимствованный у китайцев жилет. Границы обозначены полосами с меандровым орнаментом; бабочки, драконы, цветы представляют собой копии с маньчжурских чиновничьих халатов. Халат *галяда* является репликой тканевых халатов маньчжурских должностных лиц и выполнен для

нанайского родового старшины. Подобный халат из рыбьей кожи хранится в фондах Российского этнографического музея (1626-9). Другие особенности должностного костюма халада пока не выявлены.

Наизатов Б.З.
Улан-Удэ

УРУЛЬГИНСКАЯ ДУМА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ПОЛИЭТНИЧНОЙ СРЕДЕ

Урульгинская степная дума была образована на территории Забайкалья для монголо- и тунгусоязычного населения, расселенного перекрестно с бурятским населением Хоринской и Агинской дум, но не входившего в них. Основу населения думы составляла этнотерриториальная группа бурят – ононские хамниганы. Кроме того, в ее состав входили бурятские и тунгусские племена. Как следует из русских документов XIX в., дума была образована для тунгусов маньчжурского племени, пришедших с Гантимуром. Однако поскольку до начала XX в. дагуры – монголоязычный народ – считались маньчжурским племенем, соответственно и дагур Гантимур считался тунгусом маньчжурского племени. Собственно дагурское население, к XIX в., очевидно, перешедшее на ононо-хамниганский диалект, было немногочисленным. Большую его часть составляли собственно хамниганы – монголоязычные племена, близкие халха-монголам. Тунгусы (эвенки) расселились на севере. В Северное Забайкалье из Баргузинской долины пришли буряты, входившие в разные административные роды и создавшие два собственных. Уникальный симбиоз в рамках думы стал основой формирования специфического типа хозяйства в регионе. Наблюдаются кросскультурные взаимодействия, что делает актуальным исследование феномена взаимодействия этносов на востоке этнической Бурятии.

Решетникова А.П.
Якутск

ЕВРАЗИЙСКИЕ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ ОБРАЗА ЖИВОТНОГО-ПЕРВОПРЕДКА

Среди мифологических, эпических и фольклорных героев народов мира видное место занимает образ животного-первопредка: герой палеоазиатского эпоса Ворон, персонаж медвежьего праздника, образ орнитоантопоморфной прародительницы-лебеди у эвенков, якутов, европейцев, лошадь – мать эпического прародителя якутского народа Дыбырай и южно-славянского героя Милоша Кобылича. Представления о зоо- и орнитоморфности первопредков, их способности к оборотничеству восходят к дошаманским тотемическим и анимистическим верованиям. Главным в самой идее существа двойной природы является попытка маркировки «чужого». В фантастической форме соития женщины с тотемом четко прослеживается наличие идеи о двух составных в происхождении рода: «своей» женщины-прародительницы и мужчины из «чужого» рода. У народов Евразии и Америки тексты имеют универ-

сальное сходство, варианты мифов с героем-первопредком отражают период патрилинейного счета родства и патрилокального поселения супругов. Переход от материнского права к отцовскому отразился в перекодировке персонажей: маркер «чужой» теперь относится к девушке-тотему (лебеди). В целом существуют два стадияльно разных типа мифов о животных-первопредках: первый тип – животное-оборотень мужского пола, выступающее в функции похитителя девушки – прародительницы этноса; второй тип трактуется взаимоотношения первопредков с точки зрения отцовского рода: прародителем этноса считается мужчина, а «чужой» в паре первопредков является девушка (лебедь, тигрица, касатка). Однако, «чужая» зооморфная сторона в этом типе мифов отодвинута на второй план, в сюжете превалирует человеческий облик невесты. Само понятие животного-первопредка можно считать древнейшим палеоазиатским пластом в традиционных культурах.

Рыбаков Н.М.
Красноярск

«НЕБЕСНЫЙ КОРАБЛЬ СВЕТА» (БАРБАКОВЫ ГОРЫ, ХАКАСИЯ): К ВОПРОСУ О СИМВОЛИКЕ МАНИХЕЙСКОЙ ДОКТРИНЫ

Присутствие приверженцев манихейства на Енисее было засвидетельствовано как факт непонятный, не сразу распознанный экспедицией И.Р.Аспелина (1887–1889 гг.). Писаницы по скальным обнажениям окраин Ошкольской степи подвергались изучению несколькими исследователями: А.В.Адрианов (1907–1909 гг.), Л.Р.Кызласов (1963 г.), Н.В.Леонтьев (1979 г.), В.Е.Ларичев (2001 г.), С.В.Панкова (2002–2003 гг.), Н.И.Рыбаков (2001 г.).

Только после открытия манихейских святынь в Уйбайской долине (Л.Р.Кызласов в 1963 г.) стало возможным говорить о присутствии манихейских общин на Енисее с середины IX в. н.э. Автор предлагает свою интерпретацию одного из сюжетов писаниц Ошкольской степи «Небесный корабль», открытых им в ходе экспедиции Сибирского отделения РАН в 2001 г. Сюжет представляет изображение ладьи с лестницей-мачтой, над которой висит полумесяц и ниже солнца. К ладье шествуют две фигуры священников в длиннополых одеждах с коронами на голове. Многочисленные изображения таких же фигур присутствуют по окраинам Ошкольской степи (Аспелин). Суть изображенной сцены заключается в представлении иконографической символики – «записи» основ манихейской доктрины, в частности представлений о душе (вознесение души после смерти по столпу славы к Свету, к Луне, к Солнцу), о вознесении по ступеням лестницы Корабля Света.